

Наталия Вико

**ТЕЛО ЧЕРНОЕ,
БЕЛОЕ, КРАСНОЕ**

Наталия Вико

Тело черное, белое, красное

«Издательские решения»

Вико Н.

Тело черное, белое, красное / Н. Вико — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749376-9

Сколько людей во все времена, не рассчитывая на правосудие или Божью кару, в мыслях расправлялись с обидчиками, насильниками, убийцами своих близких, находя им достойное наказание в буйстве собственной фантазии! История русской «графини Монте-Кристо», которая потрясла Францию в 20-х годах прошлого века...

ISBN 978-5-44-749376-9

© Вико Н.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	20
3	21
4	36
5	39
6	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Тело черное, белое, красное

Наталия Вико

© Наталия Вико, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

1

– Граф Монте-Кристо имел счастье в упоении мстью! – пробасил статный мужчина в плотно сидящей шляпе с чуть замятыми краями. – Вдумайтесь, Ирочка, разве не справедливо воздать по заслугам своим обидчикам? Да, да! – подхватил он под локоток спутницу – темноволосую барышню лет семнадцати, помогая перешагнуть через лужу. – Вслушайтесь, как звучит само слово «ме-есс-ть», – произнес длинно и сочно. – Впрочем, вы слишком молоды, чтобы понять! – сказал поучительным тоном и бросил недоуменный взгляд на девушку, которая, будто и не слушая, вскинула лицо навстречу солнечным лучам, наслаждаясь ласковым весенним теплом.

– А как же христианские заповеди, Федор Иванович? – возразила та с легким недоумением, потому что уж слишком серьезно отнесся собеседник к теме мести, которая пришла в разговор совсем случайно. Могла прийти и другая. Ведь какая разница, о чем говорить, когда беседуешь с самим Шаляпиным, на которого с интересом поглядывают встречающие женщины, а на улице – весна и кажется, жизнь с самого утра началась заново и обещает быть счастливой и бесконечной. – Мне так, напротив, кажется, что граф – несчастнейший из людей! Подумать только, на что он потратил жизнь? Как это можно?!

– Как это можно? – снисходительно переспросил Шаляпин, прощая спутнице юную бескомпромиссность – горячую и искреннюю. – Поверьте на слово, Ирина Сергеевна, очень даже неосмотрительно так заявлять.

– И в чем же моя неосмотрительность, Федор Иванович? – поинтересовалась она беззаботно.

– Такие слова нельзя произносить! – Шаляпин нахмурился. – Никогда! Да-да, никогда! – повторил он по слогам, для большей убедительности. – Меня еще бабка научила. Стоит только воскликнуть: «Как это можно?!» и, чем больше в вопросе негодования...

– ...и осуждения... – весело добавила Ирина.

– ...и осуждения, – кивнул Шаляпин, – тем больше вероятность, – его голос трагически зарокотал, – что судьба, услышав вопрос, непременно поставит тебя именно в такие условия, при которых ты сам же и дашь себе ответ на вопрос «как это было можно?» Ох, не шутите, голубушка, с такими словами.

– «Не судите да не судимы будете»? Так, Федор Иванович?

– Именно так, – подтвердил Шаляпин и вдруг остановился, состроив трагическое лицо. – Но... фраза уже произнесена... и услышана... там! – театрально вскинул он руку к небу.

Ирина ахнула и так старательно изобразила смятение, что Шаляпин, уже почти вошедший в роль оракула, с трудом удержался от улыбки.

– Берегитесь, Ирэн, как бы не пришлось вам стать графиней! – продолжил он с такой интонацией, что и не понятно, то ли посочувствовал, то ли порадовался, то ли посмеялся.

– Ну что ж, будем знакомы. Графиня де Монте-Кристо, – с удовольствием включившись в игру, произнесла Ирина по-французски, чтобы лучше соответствовать образу, и царственным жестом протянула спутнику руку для поцелуя. – А что, – она надменно вскинула голову, – мне нравится и имя и титул! – все-таки, не выдержав, она прыснула от смеха.

– Ирочка... – начал было Шаляпин, едва прикоснувшись губами к ее пальцам.

– Нет, нет, мсье великий оперный певец, – изобразив строгость на лице, она надменно приподняла бровь, – вы поцеловали мне руку недостаточно почтительно. Пожалуй, попробуйте еще раз!

– Ирочка, – спутник снова прикоснулся губами к ее руке, – сказать по правде, вы мне порой напоминаете... – он задумался на секунду, видимо подбирая слова, а потом глянул со снисходительной усмешкой, – котенка...

Ирина поморщилась.

– Да-да, именно котенка! Маленького, пушистого, – ласково продолжил Шаляпин, – но... с хорошо спрятанными в мягких лапках о-остренькими коготками.

– Терпеть не могу кошек! – заявила Ирина нарочито пренебрежительно, вовсе не потому, что это было правдой, а просто для того, чтобы продолжить забавный разговор, убрала руки за спину и с независимым видом пошла по усыпанной гравием дорожке. – Я, между прочим, – посмотрела с вызовом, – родилась в августе, посему предпочитаю львиц, а не каких-то там... кошек.

– О-о-о, – губы Шаляпина расплзлись в улыбке, – вы, Ирочка, судя по всему, и не видели вовсе настоящих кошек: грациозных и изящных, от одного вида которых дух захватывает! А кстати, вам известно, в чем отличие львов от львиц? – посмотрел он с хитринкой.

– Фе-едор Иванович, ну что за вопросы вы девице задаете? – губы Ирины задрожали от едва сдерживаемого смеха.

– А вы не смейтесь, Ирина Сергеевна, – Шаляпин сделал серьезное лицо и снова взял девушку под руку. – Послушайте-ка лучше опытного человека.

Она старательно изобразила внимание. Двусмысленный разговор щекотал нервы и будил воображение, потому уходить от него пока не хотелось.

– Дело в том, голубушка, – продолжил Шаляпин, – что львы в охоте не участвуют. Добычей овладевают львицы.

Ирина удовлетворенно кивнула, потому что иначе и быть не могло.

– И вот тут... – Шаляпин вдруг прервался и вытянул руку ладонью вверх. – Дождь? – спросил он изумленно и поднял голову к небу, откуда тучка-озорница брызнула из небесной лейки на землю крупными дождевыми каплями.

– Дождь, дождь, Федор Иванович! – восторженно воскликнула Ирина и потянула спутника за руку к навесу, под которым были расставлены лотки с незатейливыми, нарядно раскрашенными деревянными игрушками – потехой для детишек и головной болью для строгих мамаш, считающих, что их чадо непременно должно все свободное время проводить, повторяя гаммы на фортепьяно, ну, или хотя бы изучая иностранные языки, которые просто обязан знать каждый образованный человек, а уж вовсе не тратить попусту время на всякие глупые безделушки.

– Пожалуйте, барин, – расплылся в улыбке торговец, гостеприимно сдвигая один из лотков внутрь и освобождая место. – Господь, кажись, дождь послал. К урожаю, – попытался он завязать разговор.

– Спасибо, любезный, – Шаляпин порылся в кармане пальто, вложил в руку торговца монету, снял шляпу, стряхнул дождевые капли и повернулся, невольно оказавшись почти вплотную к Ирине.

Та замерла, потому что еще никогда посторонний взрослый мужчина не стоял к ней так близко.

– Так о чем это я... – почему-то тоже, чуть смутившись, пробормотал Шаляпин и... немного отстранился. – Ах, да... о львицах...

Ирина подняла воротник пальто и наклонила голову, спрятав нижнюю часть лица.

– Холодно? – заботливо поинтересовался Шаляпин.

– Нет-нет, Федор Иванович. Продолжайте. Мне правда интересно... про гиен... Говорите же! – потребовала она и... тоже чуть-чуть отступила.

– Так вот... – Шаляпин откинул со лба прядь светлых волос и надел шляпу. – Вот тут, Ирочка, и наступает важный момент. К добыче начинают приближаться гиены – отвратитель-

ные, мерзкие твари. И часто львица уходит, не желая вступать в борьбу. И добыча могла бы остаться у жадной воющей своры, но если рядом есть лев, который, защищая добычу львицы, способен одним взмахом лапы отогнать гиен, то порядок восстанавливается и справедливость торжествует. Царь он, в конце концов, или не царь?

– Царь, конечно – снисходительно согласилась Ирина. – А львица – царица! – не смогла не добавить она.

– Я к тому веду, – серьезным тоном продолжил Шалапин, – что люди, которым мстил граф Монте-Кристо, были подобны гиенам, отнявшим чужое. Вы же, Ирочка, рассуждаете как львица, не желающая унижать себя борьбой с гиенами. А за свой кусок надобно стоять, – протянул он назидательно, – и уж тем более за подлость и низость наказывать. Так-то вот, голубушка. А то, неровен час, от гиен отбою не будет! И так уж развелись повсюду, – сдвинул он брови. – Все крутятся, высматривают, вынюхивают, как бы только застать тебя врасплох и урвать хоть чего. Так что безо львов, Ирина Сергеевна, никак не обойтись, – закончил он покровительственно.

– Боюсь, Федор Иванович, – в глазах Ирины снова блеснули озорные огоньки, – природа распорядилась так, что мне все же придется довольствоваться ролью львицы, и надеяться на встречу с царем зверей, достойным моего внимания, – она бросила насмешливый взгляд на спутника, который, видно не найдя, что сказать, покашлял и начал поправлять шляпу.

– Федор Иванович! Смотрите, как быстро кончился дождь! – воскликнула Ирина, выставив ладошку из-под навеса.

– Весна-а! – благодушно пробасил Шалапин. – У природы настроение меняется как... – бросил на Ирину смеющийся взгляд, – у молоденькой девушки – по сто раз на дню. Пойдемте-ка, голубушка, а то ваш батюшка, неровен час, волноваться будет: куда его сокровище запропастилось? – подхватил он Ирину под руку. – Кстати, к нашему разговору о мести. Помните как у Пушкина: «Есть упоение в бою...»?

Ирина кивнула.

– Так вот, поверьте, в мести тоже есть упоение. И именно поэтому граф Монте-Кристо – все-таки счастливый человек!

Они перешли на другую сторону Чистопрудного бульвара и свернули в Архангельский переулок, украшенный высоченной башней храма Архангела Гавриила, построенного еще Александром Меншиковым, где по слухам в былые времена собирались члены таинственной масонской ложи. В соседнем храме – Федора Стратилата два года назад настоятель Антиохийского подворья епископ Антоний Мубайед отпел мать Ирины, которая с первых же дней войны стала работать в госпитале и через несколько месяцев скончалась от внезапного сердечного приступа. Смерть матери перевернула жизнь семьи. В доме поселились тоскливая пустота, которую, казалось, невозможно будет заполнить ничем и никогда. По ночам, лежа в постели, Ирина непроизвольно вслушивалась в тишину, втайне ожидая, хотя и не смея признаться в этом даже себе самой, что вот вдруг однажды произойдет чудо – распахнется дверь и оттуда появится мама – красивая, уютная, ласковая, улыбчивая, проведет ладонью по ее голове и помертвевшее пространство вокруг оживет, наполнится радостью и прежней, беззаботной жизнью. Но дверь не распахивалась и от этого Ирине становилось так тоскливо и безысходно, что она, зажмурив глаза, как в детстве сворачивалась под одеялом комочком, надеясь, что мама придет к ней хотя бы во сне и с ней можно будет снова без утайки поговорить обо всем на свете, а мама как всегда не будет перебивать и станет слушать так, будто ничего важнее для нее нет и быть не может. Отец Ирины – известный адвокат, и раньше не баловавший дочь особым вниманием, считая, что правильное воспитание девочки – дело женское, после постигшего семью горя, вопреки ожиданиям дочери, еще больше отдалился, с головой уйдя в работу и политику, которой в последнее время в его окружении занимались все – и те, кому действительно была небезразлична судьба России, и те, кто предчувствуя время неизбежных

и близких перемен, старались присмотреть себе политическую партию повыгоднее. А времена и правда наступили тревожные. С каждым днем становилось все более очевидным – Россия войну проигрывает. Воздух был напряжен, словно перед грозой: то здесь, то там, будто отдаленные всполохи молний, возникали стихийные митинги, на которых требовали немедленной смены министров или всего правительства. Говорили, что война неудачна по причине измены, причем многие обвиняли даже царицу, которая якобы выдавала Вильгельму II сведения государственной важности. Необходимо было что-то делать, спасти Россию, но что могла сделать она – выпускница Смольного института? Впрочем, Ирина умела стрелять, что являлось предметом гордости отца, и было, пожалуй, чуть ли не единственным, чему тот с удовольствием в течение последних двух лет обучал дочь, выезжая на дачу. Сама же Ирина обучалась стрельбе из револьвера с несвойственным молоденьким девушкам старанием и даже удовольствием. Приятная тяжесть оружия в ладошке, звонкие хлопки выстрелов и запах пороха давали ей щекочущее нервы ощущение силы и власти над ситуацией. К тому же и результат не надо было ждать бесконечно долго. Попала или промахнулась – все известно через мгновение. И что же теперь? Брать револьвер и ехать на фронт? Но оттого, что люди в порыве патриотизма бросятся на рельсы, разогнавшийся поезд, имя которому – война, не остановится. А еще этот Распутин...

– Федор Иванович, а вы знакомы с Распутиным? – неожиданно спросила она у спутника, остановившись у подъезда своего дома, и едва не засмеялась, заметив, как изменилось выражение лица Шаляпина. Словно ложку горчицы проглотил!

– Бог миловал! – Шаляпин поставил ногу на высокую каменную ступеньку. – Как-то его секретарь, не застав меня в квартире, передал моей супруге, что Старец-де желает со мной познакомиться и спрашивает, как мне будет приятнее: принять его у себя либо к нему пожаловать?

– А вы?

– Не ответил.

– Ох уж? – недоверчиво покачала головой Ирина.

– Да! – Шаляпин картинно расправил плечи. – Не ответил! Я слышал, он груб бывает без меры, и церемоний не соблюдает в отношениях. Не ровен час, сказал бы мне чего обидное, а я – в морду ему, – он согнул руку в локте и сжал пальцы в увесистый кулак.

Ирина понимающе закивала.

– Да-да, – важно сказал Шаляпин. – Такая могла бы выйти несуразица ненужная. Тем более, сами знаете, драться с обласканными двором людьми – дело опасное... Для последующего творчества, в том числе. Так-то вот, Ирина Сергеевна, – он двинулся по ступеням вверх.

Тяжелая дубовая дверь подъезда открылась и на крыльце появился привратник – благообразный и важный, с пышными усами на пол-лица.

– Здравия желаю! – поприветствовал он пришедших, придерживая дверь.

– Зайдете, Федор Иванович? – Ирина вопросительно посмотрела на спутника. – Это же так прелестно будет – раз уж мы с вами случайно на улице встретились, значит – судьба ваша сегодня у нас в гостях побывать! Не хотите же вы послушаться голоса судьбы?! – шутливо нахмурилась она. – Ну, же, Федор Иванович, решайтесь без раздумий!

– Сдаюсь! – чуть поколебавшись, расплылся тот в улыбке. – Вам, прелестная Ирэн, отказать не могу, – сказал он и шагнул вслед за Ириной в просторный подъезд, своды которого могучими каменными плечами подпирали неустомимые атланты. Атланты были огромны и незыблемы, хотя в детстве Ирина побаивалась проходить мимо них, воображая, что вдруг в один не самый прекрасный день каменным гигантам наскучит стоять неподвижно, и они возьмут – да и отойдут в сторону... Просто, чтобы посмотреть, каково будет людям без них?

Ковровая дорожка подвела к входу в квартиру, занимавшую пол-этажа. Дверь открыл старый слуга Василий – добродушный и говорливый. Ирина обожала старика, который угощал

ее в детстве разноцветными леденцами и баловал незатейливыми, но полными удивительной мудрости народными сказками, от которых в душе оставалось ощущение светлого чуда и тепла.

Прихожая совсем некстати была завешана чужими пальто, шарфами и шляпами. В квартире теперь часто собирались старые и новые знакомые отца – он словно пытался заполнить пустоту, образовавшуюся в доме после кончины жены.

Из гостиной через приоткрытую дверь донесся веселый голос:

– Так вот послушайте, господа! Мой коллега, школьный товарищ Брюсова, сообщил его юношеский экспромт:

«Мелодия нарушена,
Испорчен инструмент,
Свеча любви потушена,
Упал мой президент».

Взрыв смеха, раздавшийся в гостиной, вызвал улыбку у Шаляпина. Ирина же опустила глаза, словно отгораживая себя от чужого ей мужского мира.

– Сергей Ильич, так что господин Шаляпин к вам и Ирина Сергеевна с ними! – поспешно распахнув дверь, возвестил Василий.

Смех оборвался.

– Фе-едор Иванович, – поднимаясь с кресла, нараспев произнес отец и, широко расставив руки, двинулся навстречу гостю. – Вот сюрприз, так сюрприз! Рад, рад, безмерно! Проходите же, дружище! – обнял Шаляпина и дружески похлопал по спине.

Сергей Ильич был почти одного роста с гостем, и чем-то даже похож на него: то ли статью, то ли той спокойной уверенностью в себе, которой обладает всякий, достигший в своем деле вершины профессионализма.

– Спасибо тебе, Ириночка, за такого гостя! – улыбнулся он дочери.

Ирина же, снисходительно выслушав привычные комплименты мужчин о том, что «и повзрослела и расцвела и на покойную матушку-красавицу сделалась похожа», прошла в глубь комнаты и устроилась в кресле. Она, как и многие молоденькие девушки, естественно, считала себя умнее и красивее жен папиных друзей и коллег. И, конечно же, была уверена, что все они, точнее, почти все, втайне влюблены в нее. Просто не показывают виду. Так, иногда, мелькнет в глазах что-то, вот как сегодня у Шаляпина.

– Знакомьтесь, Федор Иванович, – Сергей Ильич сделал паузу, пытаясь сообразить, в каком порядке следует представить гостей. Решил начать с того, который стоял ближе. – Полковник Чирков. Неделию назад прибыл из действующей армии, прямо с фронта.

Полковник, прищелкнув каблуками, крепко пожал руку Шаляпину.

– С профессором Мановским вы у меня уже встречались, – продолжил Сергей Ильич.

Профессор – невысокий человечек в мягком сюртуке протянул гостю руку с расслабленной ладошкой, которая утонула в ладони Шаляпина.

– Не знаю, знакомы ли вы с господином Керенским? – хозяин повернулся к стоящему чуть поодаль худощавому мужчине с бледным лицом и болезненными мешками под глазами, одетому в полувоенный френч.

– Александр Федорович, – бросив на Шаляпина цепкий, изучающий взгляд, представился тот. – Очень рад знакомству. Являюсь искренним поклонником вашего таланта.

Шаляпин расплылся в благодушной улыбке.

– Будет вам, Александр Федорович! – пожал он руку Керенскому. – Сценический талант в наше время в меньшей цене, нежели талант политический.

– Именно время и покажет, кто чего стоит! – с улыбкой отпаривал тот.

Гости снова расселись в кресла и на диван возле столика, заставленного легкими закусками, в середине которого возвышался запотевший графинчик с водкой.

Ирина, сожалея, что привела Федора Ивановича в дом в такое неудачное время, когда продолжить беседу с глазу на глаз уж точно не удастся, принялась листать новый номер журнала «ИЗИДА» – посвященного оккультным наукам и тайным знаниям. Журнал ей определенно нравился. По ее мнению, для девушек тонких и образованных, к коим она себя относилась, чтение «ИЗИДЫ» было просто необходимо. В нем было много непривычного, побуждающего к размышлениям и более внимательному взгляду на мир внутри себя, немало развивающего и возвышающего душу, что помогало отгородиться от соблазнов вокруг, которых просто не счесть. К примеру, она до сих пор еще ни разу не позволила себе всерьез увлечься мужчиной, если конечно не считать Феличку Юсупова, по которому втайне вздыхала за компанию со многими сокурсницами по институту. Ну, так это же была упоительно веселая игра – писать в дневниках любовные послания, которые ясно никогда не будут отправлены, и перешептываться друг с другом об очередных похождениях великосветского красавца! «На самом деле – так унижительно – принадлежать кому-то! Будто ты вещь какая!» – не раз говорила она своим подругам. Конечно, ей было интересно – как же на самом деле все происходит между мужчиной и женщиной? Ответа на этот щепетильный вопрос у Ирины не было. В ней боролись стеснительность и любопытство, но стеснительность пока побеждала – лишь только подруги заводили разговор на эту тему, она смущенно отходила в сторону: казалось, стоит только начать прислушиваться – неизбежно произойдет что-то постыдное и предосудительное. Да и как признаться, что до сих пор этого не знаешь? Сколько раз она пыталась найти ответ на страницах любовных романов, которые брала почитать у подруг, но... «Он подошел к ней... обнял и нежно поцеловал... почувствовал, как страстно трепещет ее тело... они проснулись от первого луча солнца... она благодарно прикоснулась губами к его виску...» И все! Какая тайна скрывалась за этими строками? «Всему свое время, Ирочка!» – говорила мама, ласково поглаживая дочь по голове. «Но когда оно наступит, это время? – спрашивала себя Ирина. – А вдруг я его пропущу? Или уже пропустила? Ну почему, почему я не родилась мужчиной? Ведь именно мужчины являются подлинными хозяевами жизни, управляют событиями, а заодно и женщинами. И потом, разве женщины могут сделать хоть что-нибудь значимое для блага России? Конечно, во Франции была Жанна д'Арк, но ведь когда это было и чем это служение стране для нее закончилось...»

Ирина, вздохнув, полистала журнал и остановилась на странице с заголовком «Снотолкование, составленное св. Никифором».

«Так... Что же мне снилось сегодня? – задумалась она. – Кажется, ничего. Проснулась от лая собак за окном, но вот что снилось? – потеряла пальцами висок. – Вспомнила! Снилось, будто стою посреди заснеженного поля, чувствую, как горят щеки и стараюсь прикрыть их ладонями, чтобы никто не заметил, потому что – дурно и некрасиво. На какое же слово искать?» – побежала глазами по строчкам. – «Бить... мужа, который смеется, – счастливое замужество», – перевернула страницу. – «Воробей – замужество с пьяницей... Жаба – победа над неприятелем... Змея в кровати, – передернула плечами, – доброе предзнаменование...»

Изучение журнала прервал хорошо поставленный, явно привыкший звучать перед большой аудиторией голос профессора Мановского.

– ...Высшее изящество слога, господа, заключается в простоте, а совершенство простоты дается нелегко, это я вам повторю вслед за архиепископом Уэтли! – профессор указал пухлым пальцем вверх, что могло означать или высоту авторитета архиепископа, либо то, что последний уже отошел в мир иной.

– А как, господа, у нас говорят обвинители? – вступил в разговор Керенский, приглаживая короткие волосы ладонью. – Я могу вас развлечь примерами, – он весело оглядел гостей. –

Негодую против распушенности нравов, заявляют: «Кулаку предоставлена свобода разбития физиономии».

Шаляпин зычно захохотал, перекрывая смех гостей.

– Каково? – воскликнул Керенский, довольный произведенным впечатлением. – Или... – он на мгновение задумался, – желая сказать, что покойная пила, выговаривают: «Она проводила время за тем ужасным напитком, который составляет бич человечества».

– Да-да, у меня тоже пример уморительный есть, – подхватил Сергей Ильич, радушно подливая гостям водки. – Защитник, желая объяснить, что подсудимый не успел вывезти тележку со двора, а посему еще не украл ее, торжественно произнес этакий спич: «Тележка, не вывезенная еще со двора, находилась в такой стадии, что мы не можем составить определенного суждения о характере умысла подсудимого». Ваше здоровье, господа! – он пригубил напиток.

Шаляпин, до того сидевший нога на ногу, поставил на стол опустошенную рюмку, нанизал на вилку и с видимым удовольствием положил в рот шляпку соленого гриба и, наконец, тоже включился в разговор, наполнив сочным басом все пространство гостиной:

– Надо просто говорить!

Гости повернули головы в его сторону.

– Просто – не значит плохо. И здесь я полностью согласен с господином Мановским.

Лицо профессора расплылось в признательной улыбке.

– Вот, к примеру, как просто сказано: «Каин убил Авеля». Ну-ка, а у нас в судах как бы это прозвучало? Даже предположить боюсь... – весело оглядел он собеседников.

– «Каин с обдуманном заранее намерением лишил жизни своего родного брата Авеля...» – сказал Керенский.

– Bravo! – расхохотался Шаляпин и даже захлопал в ладоши.

– Именно так! – профессор Мановский чуть не подскочил с места. – Именно так, господа! Именно «с обдуманном заранее намерением лишил жизни»! Но отчего? Чего ж не сказать просто «убил»? Да потому, что простое слово «убил», видите ли, смущает. «Он убил из мести», говорит какой-нибудь оратор и тут же, словно испугавшись ясности и краткости выраженной им мысли, спешит добавить: «И тем самым присвоил себе функции, которых не имел!» Да разве же дело в функциях, когда говоришь об убийстве? Да-да, господа, не смейтесь! Я этот пример студентам рассказываю и сам всякий раз удивляюсь – сколько же у нас дураков!

– О-о, насчет дураков – это и я вам понарасказать могу... – Шаляпин потянулся к рюмке, предусмотрительно наполненной хозяином. – Кстати, Сергей Ильич, «ужасный напиток, составляющий бич человечества», у вас о-очень хорош! Дома готовите или из ресторана приносят?

– Домашнего изготовления, конечно, – благодарно улыбнулся Сергей Ильич. – Мой Василий такой мастер в этом деле! Старинные рецепты знает. Мы и до введения сухого закона в основном свое вино пили.

– Так вот, – Шаляпин с видимым удовольствием опрокинул рюмку в рот, – давеча, стыдно сказать, господа, – он покосился в сторону Ирины и понизил голос, – пожаловал к нам в театр...

Ирина опустила глаза и продолжила чтение снотолкований.

«Пощечина – мир и единение между супругами...» Ничего себе! Так... на что же смотреть? А может, смотреть надо на слово «краснеть»? – она вернулась назад. – Та-ак... «Кр... Крокодил – близкая смерть...» О, Господи!» – быстро перекрестилась...

Дружный смех мужчин снова заставил ее оторваться от чтения.

– ...Слово, бесспорно, великая сила, которая может побудить к действию, но может и оправдать бездействие! – услышала она наполненный трагизмом голос отца. – Недавно в заседании Государственной думы представитель одной политической партии торжественно заявил: «Фракция нашего союза будет настойчиво ждать снятия исключительных положений». Вслу-

шайтесь только, господа! Каково словосочетание! «Будет настойчиво ждать!» – Сергей Ильич горько усмехнулся и махнул рукой.

«Как же надоели бесконечные разговоры о политике! – подумала Ирина. – Люди буквально доводят себя до истерии. Любовь к России стала для них поистине сизифовым трудом! Ежедневно до изнеможения катят в гору камень патриотизма, потом отправляются спать, а камень скатывается вниз, и они на следующий день снова приступают к той же сладостно-бесконечной работе. Порой кажется, что находишься в зрительном зале огромного театра, где каждый желающий может выйти на сцену и исполнить свой собственный этюд на тему „Я и Россия“. Не зря матушка говорила, что хоть много есть вокруг людей достойных и благополучных, однако, коли начинают они бить себя кулаком в грудь, то и дело повторяя последнюю букву русского алфавита, человеку смышленому сразу же становится понятно: как раз с собственным „Я“ они и не в ладах, – она откинулась на спинку кресла. – Россия... Как красиво называется моя страна! Здесь точно рождаются только люди, отмеченные печатью Божией. Потому что только избранные Божии могут так страдать. Христос умер в страданиях и воскрес ради всех людей, и вот теперь православные люди, живущие в России, также страдают и умирают за всех людей на земле. И те из них, кто отдал ей весь талант, все силы, всю любовь и испытал всю боль от безысходности этой любви, непременно воскреснут. Непременно».

– ...всегда одетая как простая сестра милосердия...

«О ком это они? – Ирина прислушалась. – Похоже, о сестре Государя, Ольге Александровне».

– ...она начинает свой день, господа, не поверите, в семь утра и часто не ложится спать всю ночь, ежели необходимость возникает перевязать прибывшую партию раненых. А солдаты, – полковник, опустошив рюмку, расстегнул верхнюю пуговицу на кителе, – солдаты отказываются верить – и их можно понять! – что сестра милосердия, перевязывающая им раны, – родная сестра Государя и дочь императора Александра Третьего!

– Удивительно, господа! Женщины в России – это вообще феномен, – всплеснув руками, неожиданным фальцетом воскликнул профессор Мановский. Краем глаза заметив, что Ирина с интересом повернула голову в его сторону, он воодушевился еще больше. – Даже те, кто рожден был на другой земле, попадая сюда, начинают служить России, порою превращаясь почти в святых! Женщины в истории России – это нечто высокое и трагичное, непередаваемое словами! – сказав это, бросил взгляд в сторону Ирины, которая поспешно опустила глаза, сделав вид, что неотрывно изучает журнал.

«...Спать с негром (женщине)» – трудная беременность... „с мертвым негром (женщине)» – Ирина поморщилась, – счастливое известие, конец заботам“. „Спать с негром“. Придется же кому-то такое! Может „щеки“? – предположила она. – Где же эти „щеки“? – она перевернула страницу. – Нашла! „Щеки – похудевшие – семейная досада... покрасневшие (девушки) – помолвка“. Помолвка?! Значит, мой сон означает скорую помолвку?! Смешно! Я никогда не выйду замуж! Никогда!» – Ирина закрыла журнал и, желая удостовериться в правдивости умозаключения, окинула взглядом уже разгорячившихся от напитка мужчин.

– ...Вот слушаешь вас, военных, – раскрасневшийся отец, повернулся к полковнику, – и думаешь: бросить, что ли, все к чертовой матери – и на фронт! Там ведь все ясно: вот – враг, вот – друг! А здесь...

– Да, господа, бедная, бедная Россия... Что нас ждет? – грустно воскликнул профессор Мановский.

– Нужна твердая рука, господа. Тогда будет порядок, – решительно заявил полковник, подливая себе водки.

Ирина вздохнула.

«Нет, пожалуй, я не хочу быть мужчиной, – решила она. – Это скучно. Очень скучно. С утра до ночи – дела, работа, споры о судьбе страны, попытки доказать другим, что Россия

идет абсолютно не туда, куда предназначено, необходимость при этом непременно пить горькую водку – страсть какую противную, – она это уже знала, потому-что недавно тайком попробовала, – потом домой, а там – жены, с которыми тоже надо о чем-то разговаривать... Впрочем, почему о чем-то? О балах, нарядах, украшениях, которые были надеты на ком-то, о проказах детей и невозможности из-за войны поехать на воды в Баден-Баден... А утром – снова дела, работа и споры о судьбе страны... Нет. Я точно не хочу быть женщиной!» – она снова открыла журнал и сразу наткнулась на небольшое объявление:

«Вниманию дружелюбного читателя! Открытие сокровища. Обучение развитию психических сил человека. Большой Афанасьевский переулок, дом тридцать шесть. Квартира четыре. Ежедневно. С шести вечера. Порфирий де Туайт».

«Какое забавное имя, – оживилась Ирина. – Порфирий, да еще де Туайт».

– Ирэн, дитя мое, – прервал ее мысли отец, – тебя что-то совсем не слышно. Не задремала ли ты, часом, от наших разговоров? И то, мужские беседы – не для девичьих ушек... – он глянул многозначительно.

«Все понятно, – подумала Ирина. – Мешаю. Сейчас начнется разговор на тему „Что делать?“ Ох, видно, все мы – дети Чернышевского! А что же мне самой сейчас делать?»

Напольные часы, гулко пробив пять раз, подсказали ответ.

«Ежедневно. С шести часов. Большой Афанасьевский, тридцать шесть. Это же совсем недалеко», – Ирина отложила журнал и поднялась.

– Простите, господа, вынуждена вас покинуть. Увлечлась чтением и забыла, что в шесть у меня курсы. Да-да, курсы... В шесть, – повторила она, убеждая себя в правильности принятого решения.

– Курсы? – облегченно переспросил отец, снова наполняя рюмки. – Ну, иди, Ириночка, раз уж надо.

Ирина, одарив Шаляпина взглядом, из тех, которые, как ей казалось, называются «обнадеживающими», вышла из гостиной, надела шляпку и пальто и поспешила к выходу.

Отражение в огромном старинном зеркале в прихожей, показалось, замерло и посмотрело на нее удивленно, но потом, словно спохватившись, бросилось вдогонку...

* * *

Ирина решила не брать извозчика и, не торопясь, направилась в сторону Арбата. На Чистопрудном бульваре нырнула в пестрый поток пешеходов, как и она, жадно впитывающих пьянящий воздух, пронизанный предощущением весны. Город, казалось, проснулся от зимней спячки. Дворники в длинных фартуках, несмотря на неурочный час, яростно мели еще влажные от островков подтаявшего льда дворы и тротуары, успевая беззлобно и весело переругиваться с извозчиками, вечно ставящими свои тарантайки не там, где нужно. Горластые подростки с огромными лотками наперебой предлагали ароматные булки и калачи, папиросы и спички. Мальчик в строгой гимназической форме тянул за рукав дородную даму с маленькой собачкой на руках и жалобным голосом канючил пирожное, указывая на ближайшую кофейню. У стены Страстного монастыря Ирину обогнала шумная группа возбужденно жестикулирующих студентов. Донесли обрывки фраз про революционный террор и спасение России. На углу Тверской, напротив памятника Пушкину чумазый рыжий парень, распугивая прохожих, истошным голосом предлагал поточить «ножи – ножницы». Бронзовый Пушкин с постамента задумчиво и, казалось, с сочувственной снисходительностью смотрел на людской круговорот вокруг себя. Из подворотни возле аптеки вывалились два мужика с лицами разбуряженными принятием спиртосодержащих лекарственных препаратов, которые, хоть и не вино, а веселят, да к тому же – лечат и, обнявшись, запели: «Целовался крепко... да-а-а... с чужо-о-ой жа-аной!» Ирина предусмотрительно обошла весельчаков и свернула

с бульвара на Арбат, затем налево в первый переулок и подошла к подъезду дома с номером тридцать шесть. Из открытого окна третьего этажа раздавались звуки фортепьяно, на котором кто-то старательно пытался играть гаммы.

«Может, не ходить? – вдруг заколебалась Ирина, уже поднявшись по белой мраморной лестнице, покрытой ковровой дорожкой, на второй этаж и протягивая руку к звонку. – Ну, почему же не ходить, коли пришла?» – дернула она за шнурок и услышала мелодичный перезвон.

Дверь почти сразу открыл невысокий худощавый мужчина с аскетичным лицом, в красном шелковом халате, расшитом драконами, и небольшой круглой шапочке, делающей его похожим на китайца, изучающее глянул гостью прямо в глаза, будто на мгновение запустил и вытащил щупальца, и, ничего не спрашивая, жестом руки предложил войти.

– Мне собственно нужен господин Порфирий... де Туайт, – Ирина посмотрела вопросительно.

– Входите, мадмуазель, – мужчина сделал полшага в сторону, пропуская ее внутрь. – Я вас ожидал, – неожиданно добавил он.

Пройдя по длинному полутемному коридору, они вошли в небольшую комнату с занавешенными окнами, освещенную колеблющимся светом свечей, расставленных прямо на полу.

– Располагайтесь, – хозяин указал на единственный стул посередине комнаты.

Ирина села и аккуратно расправила платье на коленях.

Мужчина же молча обошел вокруг нее и остановился напротив, разглядывая то ли бесцеремонно, то ли изучающе. Ирина отметила, что хозяин вовсе и не похож на китайца – глаза у него не раскосые, а, напротив, огромные, выразительные, зеленые. Хотя на француза тоже не похож. Она вдруг сообразила, что никого не предупредила о том, куда пошла и, почувствовав беспокойство, заерзала на стуле.

– Я по объявлению... в журнале... – сказала она. – Может, я не туда? – сделала вид, что хочет подняться.

– Вы пришли туда, куда нужно, – хозяин жестом показал, чтобы она не вставала. – И вовремя, – добавил он многозначительно. – Позже могло бы быть поздно. – Вероятно, он остался доволен произнесенной фразой, потому что повторил ее снова: – Да, да, позже было бы поздно. – Еще раз медленно обошел вокруг Ирины, которая была чуть-чуть растеряна, не зная, как следует себя вести – то ли провожать хозяина взглядом, то ли, напротив, не шевелиться. Выбрала второе.

Через некоторое время, очевидно вдоволь находившись вокруг, Порфирий де Туайт опять остановился перед ней, на этот раз скрестив руки на груди. Внимание Ирины сразу привлек украшавший безымянный палец хозяина необычный, явно старинной восточной работы массивный перстень в виде книги, обсыпанный разноцветными камушками.

– Порфирий де Туайт, – наконец, загадочно улыбнувшись, представился мужчина и даже церемонно поклонился. При этом слегка распахнувшиеся полы халата обнажили его сухие, мускулистые ноги. Это было неожиданно и забавно. Ирина поспешно отвела глаза в сторону и даже прикусила губу, чтобы не рассмеяться.

– Вам, мадмуазель Ирина, придется немного подождать, – серьезным голосом сказал хозяин.

«Разве я называла свое имя?» – удивленно подумала она.

– Мне потребуется выйти... на тонкие планы и получить разрешение для работы с вами, – продолжил он.

Ирина хотя и посмотрела вопросительно, однако про «тонкие планы» переспросить постеснялась.

– Видите ли, с обычными людьми я не работаю, – пояснил Порфирий небрежно. – Только с избранными.

Ирина важно и понимающе кивнула, похоже, ничуть не сомневаясь, что дозволение на работу с ней на этих самых «тонких планах» точно будет дано и, проводив взглядом Порфирия, который скрылся за шторой, закрывавшей проход в соседнюю комнату, с любопытством огляделась. Вдоль стен помещения, в котором она находилась, стояли книжные шкафы. Она поднялась со стула и, подойдя к одному из них, с интересом стала читать названия на корешках: «Папиус. Эзотерические беседы», «Парацельс. Трактат о нимфах, пигмеях и саламандрах», «Лидбитер. Белая и черная магия», «Кизеветтер. История астрологии», «Плутарх. Озирис и Изиды». Ни одну из этих книг она не читала и оттого невольно почувствовала уважение к владельцу столь редкой библиотеки. Вытащила книгу с названием «Практическая астрология» графа де Сен-Жермена, название которой показалось знакомым – помнится, читала в «Изиде», что именно в этой книге были опубликованы иллюстрации всех древнеегипетских Арканов – важнейших оккультных истин, изображенных в символической форме, овладение которыми и есть путь посвящения «Таро». Открыла книгу посередине наугад, как обычно делала с томиком стихов Байрона, когда хотела получить ответ на вопрос, прибегнув к воле случая. «Аркан I. Маг», – прочитала она надпись рядом с плоским египетским изображением стоящего возле кубического постамента человека в белой одежде, опоясанного змеей, на голове которого был виден обруч, а правая рука сжимала скипетр. «Ну, что ж, маг – так маг», – она поставила книгу на место. – Интересно, как долго Маг, – решила, что про себя будет называть Порфирия именно так, – собирается пребывать на этих самых «тонких планах»? Прислушалась. Из комнаты, куда тот удался, доносились протяжные звуки, будто хозяин собирался спеть песню, но, затянув первую ноту, вдруг забыл все остальные, оттого и решил тянуть эту первую, пока не вспомнит всю мелодию. Ирина на цыпочках подошла к шторке, отодвинула и осторожно заглянула в приоткрытую дверь. Порфирий с закрытыми глазами, скрестив ноги, сидел на небольшом коврик в позе «лотоса» и, подняв чаши ладоней вверх, сквозь плотно сжатые губы издавал монотонный протяжный звук «Ом-м-м-м...» Она тихо отошла от двери и опустилась на стул. Вдруг вспомнила, что подруга по Смольному, Леночка Трояновская, не раз шутила по поводу ее феноменальной способности попадать в непредсказуемые ситуации, из которых найти выход бывает порой весьма затруднительно. «Вот и сейчас – зачем я здесь? И откуда он знает мое имя? Может уйти, пока не поздно? Хотя, прежде чем искать выход из ситуации надобно в ситуацию попасть», – подумала она почти весело.

Звук, доносившийся из соседней комнаты, постепенно затих, словно впитался в стены квартиры. Ирина положила ладони на колени, как примерная ученица в ожидании строгого учителя. В комнату вошел сосредоточенный Порфирий, остановился напротив, достал из кармана халата колоду карт, перемешал и со словами «Сдвиньте» протянул ей.

«Видно тоже решил погадать, значит, все еще сомневается», – подумала она снисходительно и указательным пальцем сдвинула карты в колоде.

Порфирий перевернул карту, взглянул и, показалось, даже развеселился.

– Я буду с вами работать, – заявил он с таким видом, будто вручил дорогой подарок. – Вы – редкий экз... – не договорив слово, поправился, – индивидуум. Очень редкий.

«Правильно я не ушла!» – удовлетворенно подумала Ирина, отметив, что ей, в общем, начинает нравиться, что именно так все складывается.

– А какая там была карта? – не смогла она удержаться от вопроса.

– Одиннадцатый Аркан Таро. «Укрощенный лев», – сказал Порфирий таким тоном, будто сделал одолжение, и чтобы стало ясно, пояснений не будет. – Я продиагностировал вас, – неожиданно скорбным голосом сообщил он. – И могу сказать, работать с вами надо много.

Ирина глянула вопросительно.

– Засорены каналы, – Порфирий сокрушенно покачал головой. – Очень засорены. Будем чистить, – сообщил он как о чем-то само собой разумеющемся и не требующем обсуждения.

Ирина быстрым движением разгладила длинную серую юбку на коленях, собираясь поинтересоваться, не требуется ли все же для чистки каналов и ее собственное согласие, но Порфирий опередил:

– Знаю, что работа потребует значительных усилий не только с моей, но и вашей стороны, но, – поднял указательный палец, – учитывая ваше стремление к совершенствованию, уверен, все получится. Для более короткого общения можете называть меня... – глянул, показалось, с лукавинкой, – Маг.

Ирина вскинула глаза и кивнула.

– А теперь – слушайте, – Порфирий опустился на пол перед ней, скрестив ноги. – Мы начнем обучение, – он глянул испытующе, – с урегулирования функций физического тела и подчинения его контролю воли, что достигается...

Ирине опять показалось, что в глазах у него промелькнула усмешка.

– ...пищевым режимом...

Она невольно вздохнула, мысленно прощаясь с воспоминанием о запахе свежее испеченных калачей на лотках уличных торговцев.

– ...и физическими упражнениями на концентрацию, силу и гибкость, – продолжил он.

Идея ей понравилась, потому что она немедленно представила себя в роли цирковой гимнастки, парящей под куполом, на которую с восторгом и замиранием сердца смотрят сотни глаз. Нереализованная детская мечта.

– Затем, – Порфирий начал говорить медленнее, старательно выговаривая каждое слово, – приступим к выработке и накоплению динаминизированного нервного флюида, для чего, собственно, служит ряд дыхательных упражнений.

Он поднялся, заложил руки за спину и, глядя под ноги, принялся расхаживать взад-вперед по комнате.

– Усовершенствовав тело, обогатив организм флюидом и дисциплинировав свою психику, приступим к воспитанию воли, взгляда, голоса и жеста. При развитии активных и пассивных способностей значительную роль играет темперамент. Кстати, у вас какой темперамент? – он остановился напротив, пристально глядя ей прямо в глаза.

Ирина смущенно отвела взгляд и пожала плечами.

– Поясню, – Порфирий снова принялся расхаживать. – Активный темперамент дает магнетизеров, пассивный же, напротив, способствует развитию психометрии и медиумизма. Женщина, в отличие от мужчин, чаще пассивна... хотя, – он приостановился и взглянул на гостью задумчиво, – здесь, как и во всяком деле, бывают исключения.

Слова об исключениях показалась Ирине обнадеживающими, и льстили самолюбию, потому что мужчинами лучше управлять, чем принадлежать им. Это она сегодня уже для себя решила.

Порфирий говорил и говорил, а Ирина, слушая его тихий, ровный, почти равнодушный голос, провожала взглядом его размеренное как качание маятника, движение из стороны в сторону и впитывала слова Мага жадно, мысленно примеривая услышанное на себя...

– И вот еще что...

Она вздрогнула, словно очнувшись от забытья. Порфирий стоял напротив и смотрел как будто сквозь нее. Почувствовала непривычное ощущение, словно множество иголок вонзилось в затылок.

– Запомните то, что я вам сейчас скажу. Это важно. Потому что время смутное наступает. Ирина подняла глаза, ожидая продолжение.

– Надеюсь, вы любите русские народные сказки? – неожиданно спросил Порфирий.

«Право, нелепый вопрос! – подумала она и неопределенно повела плечами. – Конечно же, люблю, но вот стоит ли в этом признаваться? Что если я скажу – „да“, а он улыбнется снисходительно, как взрослый – ребенку?»

– Любите-не-любите, – Порфирий сделал вид, что не заметил замешательства, – но образ шапки-невидимки вам, думаю, знаком?

Ирина чуть улыбнулась, вспомнив, что в детстве мечтала именно о такой шапке, чтобы гулять – когда и где захочешь, наблюдать за скрытыми и оттого еще более интересными сторонами взрослой жизни, или же сесть на поезд и невидимо для всех отправиться в путешествие в далекие страны...

– И действительно, кому из нас в детстве не хотелось надеть ее... – понимающе улыбнулся Порфирий. – Так вот, – он сделался серьезным. – На самом деле шапка-невидимка – это всего-навсего тот объем поля, где отсутствует вибрация человеческой мысли. Бывают ситуации, когда человеку для спасения своей жизни необходимо стать невидимым, а для этого надо перенестись центром своего сознания совсем в другое место, проще всего – в воспоминания, не отвлекаясь и никоим образом не реагируя на происходящее вокруг, и тогда он становится неприметным и, следовательно, не излучает в окружающую среду абсолютно ни-че-го. Эта практика пришла к нам с Востока. Ниндзя, например, очень хорошо тушили активность своего мозга в ощущаемом людьми диапазоне.

Ирина не знала слово «ниндзя», но спросить постеснялась. Однако Порфирий снова, словно прочитал ее мысли.

– Ниндзя – это японские лазутчики, обладающие поистине мистическими способностями в искусстве маскировки. Над этим мы тоже будем работать. Время грядет смутное... – еще раз повторил он.

– Да, время тревожное... – Ирина согласно кивнула. – Господин де Туайт, – все же решилась она задать вопрос.

– Маг... – поправил тот.

– Маг-г-г... – послушно выдохнула она. – Скажите, вы знаете...

– Знаю, – едва заметно улыбнулся Порфирий, из глаз которого исходил теплый свет.

– Тогда скажите, что... что будет с... – Ирина растерянно замолкла, потому что вопрос, готовый сорваться с губ, вдруг показался несерьезным. Хотела спросить, что будет с ней самой... – Что будет с... Россией?

– С Россией? – Порфирий подошел совсем близко и печально взглянул ей в глаза. – Россия разлетится в клочья... – тихо проговорил он, – но ты обретишь свою любовь.

– Счастливую? – чуть слышно спросила Ирина.

– Любовь – это уже счастье. Именно так, – ответил Порфирий и почему-то отвел взгляд...

* * *

Домой Ирина возвращалась на извозчике. Холодный злой ветер, прилетевший неизвестно откуда, врвался под поднятый верх пролетки, заставляя прятать лицо в воротник. Облака пытались укутать озябшую луну пушистым дымчатым мехом. Ветер рассерженно гнал их прочь, потому что не терпел соперников. Луна желтым глазом выглядывала из-за облаков и снисходительно наблюдала за ночным городом, скрывая вечные тайны на обратной стороне своей души...

* * *

Ирина вошла в квартиру, отдала Василию пальто и сразу же направилась к кабинету отца зная, что кроме кабинета он нигде быть не может, потому что любит работать допоздна, зачастую засыпая на огромном кожаном диване у письменного стола. Подошла к неплотно прикрытой двери и замерла, услышав приглушенные голоса.

– Так что, Сергей Ильич, придется вам к осени снова перебираться в Петроград.

Узнала голос Керенского.

– Георгий Евгеньевич надеется, что вы примете это решение с пониманием. Он человек мягкий, но, что касается дела нашего Братства, в решениях последователен. И жёсток.

– М-да... Прямо скажем, несколько неожиданно, – в тоне отца послышалось замешательство. – Но... передайте князю Львову, что конечно же, конечно же...

Ирина начала уже отходить от двери, но, услышав следующую фразу, приостановилась.

– А вы уверены, что другого выхода нет? – голос отца звучал удрученно. – Я не о себе, Александр Федорович, вы понимаете. Я – о Государе Императоре.

– Другого выхода? – послышался шум отодвигаемого стула. – А вы что же, друг мой, не видите, что происходит? Государь слаб, ему не хватает решимости. Или будем ждать, пока Россия разлетится в клочья?!

Последняя фраза заставила Ирину подойти ближе к двери.

– Вспомните, дорогой Сергей Ильич, Александра Третьего! Что он ответил своему министру в Гатчине, когда тот настаивал, чтобы Император немедленно принял посла какой-то там великой державы? А?! – в голосе Керенского послышались горделивые нотки. – «Когда Русский Царь удит рыбу, Европа может подождать!» Вот ответ, достойный Российского Самодержца! Вот каков должен быть Государь Император великой страны! А Николай Александрович? – Керенский сделал паузу, словно давая возможность отцу самому мысленно ответить на этот вопрос. – Государь страдает от своих же душевных качеств, ценных для простого гражданина, но недопустимых, даже роковых для монарха.

– Пожалуй, вы правы, – услышала она голос отца и нахмурилась. Об Императоре нельзя говорить дурно. Никому.

– Рок превращает прекрасные свойства его души в смертоносное орудие! – горячо воскликнул Керенский.

В коридор из своей комнатухи выглянул Василий, явно собираясь что-то сказать. Ирина приложила палец к губам и направилась к себе в спальню.

* * *

...Во сне Ирине привиделся Керенский. Александр Федорович, одетый во френч защитного цвета, бесцеремонно ворвался в квартиру Порфирия и требовал, чтобы тот немедленно отдал ему «динаминизированный нервный флюид», без которого совершенно невозможно спасти Россию. А Порфирий, лукаво улыбаясь, говорил, что никакого флюида у него больше нет, потому что не далее как вчера вечером весь флюид уже был передан одной юной особе с очень засоренными каналами.

«И я тоже не отдам. Никому ничего не отдам. Что мое – то мое. И никогда ни о чем не пожалею...» – блаженно улыбнулась Ирина во сне.

2

К осени 1916 года положение на фронте стало еще тяжелее. Воздух, пронизанный тревогой и предчувствием неминуемого краха, словно лишал возможности вздохнуть полной грудью. Лица людей были хмуры и озабочены. Войной были ранены все...

3

После переезда в Петроград, где они с отцом поселились в своей старой квартире на набережной Мойки, Ирина вместе с подружкой по Смольному институту Леночкой Трояновской пошла работать в госпиталь и почти забыла о московском одиночестве и невостребованности. Впрочем, последним месяцам проведенным в Москве она была благодарна за знакомство и возможность общения с Порфирием, у которого многому успела научиться. В ней словно появился внутренний стержень, а вместе с ним – уверенность, что обстоятельства, какими бы они ни были, не смогут ее сломить.

В стенах госпиталя, где она дежурила через день, жили боль и страдания. Боль, казалось, пульсировала и пыталась пронизать и подчинить себе все вокруг. Ирина почти физически чувствовала это. Боль пряталась в каждом уголке, дожидаясь своего часа, а потом выплзала и хватала за горло, заставляя плакать и кричать несчастных, искалеченных войной людей. Раненые жили с болью и умирали с ней, но боль не уходила вместе с умершими, а замирала где-то в укромных уголках, поджидая новую жертву. Обходя по ночам палаты и всматриваясь в лица лежащих на койках солдат, Ирина чувствовала, что нужна им не только как сестра милосердия. Раненые смотрели на нее как на надежду – весточку из другого, нормального мира, где течет обычная человеческая жизнь – без крови и мучений, жизнь – пряный вкус которой ценишь только тогда, когда вырван из нее обстоятельствами или чьей-то безжалостной волей. За месяц работы в госпитале Ирина почти безошибочно научилась определять, кто из тяжело раненых выживет, а кто – нет. И часто это не зависело от тяжести ранения. Те, кто хотел жить, каждым произнесенным вслух словом как дикий виноград цеплялись за шершавую кору жизни. Они просили выслушать или просто поговорить. Ирина садилась рядом и говорила. Умирали те, кто дочитывал книгу жизни молча...

Сегодня в госпитальных палатах было непривычно тихо. На стене мерно стучали старые больничные ходики. Хотелось спать. Подперев голову руками, Ирина пыталась читать, с трудом заставляя себя сосредоточиться.

– Сестрица... – донеслось из послеоперационной палаты. Торопливо убрав в ящик стола книгу, взятую в Москве у Порфирия, Ирина подошла к лежащему на койке у окна изможденному сероглазому парню с тяжелым ранением в живот и наклонилась к нему:

– Я здесь.

– Пить... пить... водицы... – проговорил тот, с трудом разомкнув спекшиеся губы.

– Нельзя. Доктор не разрешил, – она намочила марлю в стакане с водой и промокнула ему губы, а потом поправила сползшую простыню в застиранных желтых разводах – следах крови тех, кто побывал здесь раньше.

– Ирочка, дочка, – пожилой мужчина на соседней койке попытался приподняться. – Дюже нога у меня болит. Мочи терпеть нету. Христом Богом прошу, еще разок уколи, а? – По лицу раненого побежали слезы, замирая на рыжих усах. Солдата мучили фантомные боли в ноге, которую ампутировали три дня назад. Сегодня укол был ему уже не положен...

Дежурство уже подходило к концу, когда в дверях докторской, немного раньше обычного, появилась Леночка Трояновская – свежая, в белоснежном накрахмаленном фартуке с красным крестом на груди.

– Я тебя, часом, не разбудила? – весело прощелбетала она, целуя подругу. – Вон как глазки-то припухли, будто со сна.

Ирина бросила поспешный взгляд в зеркало на стене и, улыбнувшись, погрозила подруге пальцем. Хотя они были ровесницами, Ирине всегда казалось сама себе намного старше этой худенькой, светловолосой, голубоглазой девушки, напоминавшей Снегурочку: не убережешь – растает.

– Как дежурство? Как Николаев? Боли не прекратились? – Леночка села на небольшой диван, покрытый чехлом из белой ткани.

– Ему ночью плохо было, – сказала Ирина из-за ширмы, за которой начала переодеваться. – Даже укол пришлось делать внеплановый. Я в журнал дежурств записала, – вышла переодевая в обычное платье.

– Слушай, Ирэн, присядь, поболтаем немного, – Леночка указала на место рядом с собой. По интонации и выражению лица было ясно, что пораньше она пришла не случайно. – Я тебе такое расскажу!

– Ну что там у тебя приключилось? – Ирина опустилась на стул напротив.

Леночка возбужденно набрала воздух.

– Ирэночка, ты не поверишь, что мне сегодня приснилось! – глаза Леночки лучились восторженным удивлением. – Представь только себе: огромная комната. Мебели нет. Все кругом задрапировано белым и черным шелком, который, знаешь, лежит такими крупными мягкими складками, похожими на волны. И зеркала – мно-о-ого зеркал. Кстати, – она неожиданно прервала рассказ, – ты платье к Новому году уже заказала? Я сегодня свое примеряла. Хочу вот здесь, – приложила ладошку к бедру, – сделать присборку и...

– Ленусь, не отвлекайся. Я домой хочу. Устала, – Ирина откинулась на спинку стула.

– Прости, прости. – Леночка виновато улыбнулась. – Я постараюсь покороче. Так вот... вдруг вижу – прямо на полу посреди комнаты – большая шахматная доска, а все фигурки на доске, – она округлила глаза, – будто бы жи-вы-е!

Ирина недоверчиво покачала головой и пересела на диван к подруге.

– Да-да! Именно живые! – повторила Леночка. – И сидят двое игроков: один – с белыми крыльями, а другой – с черными. Ангел будто и бес, – она торопливо перекрестилась. – И говорит этот бес, мол, до чего люди глупы! Открытия разные делают, изобретают что-то, а тайны зеркал так и не разгадали. До сих пор не поняли, что мы специально ловко так зеркала по всему миру расставили, потому что зеркала – наши окна, через которые мы за людьми наблюдаем. Днем и ночью. За мыслями и делами. И вижу я, говорит, что у людишек из века в век – души все чернее становятся. А белый ангел головой покачал. Нет, говорит. Врешь ты. Я ведь всегда рядом с тобой в эти окна смотрю, потому что у нас с тобой вечная игра такая: ты, черный ангел, играешь с белыми фигурами, а я, белый ангел – с черными. И вижу, говорит, что не прав ты. Души у людей из века в век – все белее. А черный ангел ухмыльнулся так страшно-страшно и... ничего больше не сказал. Вот такой сон. Ну, каково? – Леночка посмотрела на подругу блестящими от возбуждения глазами. – И вправду, Ирэн, с этими зеркалами какая-то загадка. Ты сама-то как думаешь? – не дожидаясь ответа, она поднялась, подошла к зеркалу и, приблизив лицо, принялась всматриваться в свое отражение. – Сейчас вот и мне кажется: это точно – окно из другого мира.

– Или в другой мир, – сказала Ирина, поднимаясь с дивана, – только... они нас видят, а мы их – нет. – Она замолчала. Стало обидно, что такой необычный сон почему-то забрел не к ней, а к Леночке.

– Так ты придешь к нам в пятницу? – подруга продолжала стоять у зеркала, придирчиво разглядывая свое отражение.

– Приду. И *papa* обещал быть. Он любит у вас бывать. Мне даже кажется, что он неравнодушен к Софи, – как бы между прочим сказала Ирина и заметила, что рука Леночки, поправляющая косынку, замерла.

К своей старшей сестре Софи – женщине красивой, незаурядной и опытной Леночка относилась с благоговением и даже легкой завистью. Софи уже успела побывать замужем и, по неизвестным причинам, решительно расставшись с мужем уже через год после свадьбы, вернулась в огромный отцовский дом на Невском проспекте, где стала собирать самую разнообразную публику: подающих надежды политиков, шеголявших военной выправкой офицеров,

в основном из Генерального штаба, удачливых коммерсантов, сделавших состояния на поставках в действующую армию, подающих надежды поэтов, художников и музыкантов. Все они с удовольствием собирались вокруг этой яркой, притягательной женщины, главным талантом которой было умение устроить праздник, несмотря ни на какие внешние обстоятельства. Ее отец – известный банкир Петр Петрович Трояновский – этому не противился, напротив, всегда внимательно просматривал список приглашенных и сам время от времени появлялся среди гостей дочери, иногда уединяясь с кем-либо из них в кабинете.

– Кстати, Александр Федорович будет? – поинтересовалась Ирина.

– Что тебе в Керенском? – чуть наморщила носик Леночка и, подойдя к столику, на котором были разложены лекарства и ампулы, взяла в руки лоток с градусниками.

– Ба-ры-шни-и! – в приоткрытую дверь весьма кстати заглянула сухонькая старушка со шваброй и ведром в руках. – Что ли я пол помою?

– Поликарповна, вы палаты помойте сначала! – строго велела Леночка.

– Помыла уж. Неужто не слышали? Я громко мою, – обиженно поджала губы санитарка, которая действительно мыла пол так, что слышал весь этаж – с прибаутками, беззлобным ворчанием, задушевыми беседами с ранеными, а иногда даже, не отрываясь от основного занятия, начинала петь или приплясывать вокруг швабры, чтобы развлечь какого-нибудь «грустного» солдата. Раненые Поликарповну любили и ждали, когда та придет. Она же сама считала себя человеком незаменимым – чуть ли не самым главным в госпитале.

– И коридор убрали? – пряча улыбку, спросила Ирина.

– Не добралась еще, – старушка бросила хитрый взгляд на девушек. – Да поняла я, поняла. Не глупая, поди. Щас пойду коридор помою, и уж после – сюда приду. А вы пока свои секреты секретничайте. Оно понятно. Дело молодое. «Помню, я еще молодухой была», – пропела она задорно и, энергично качнув ведром, из которого на пол выплеснулась вода, скрылась за дверью.

– Так что тебе в Керенском-то, я спросила? – Леночка с любопытством взглянула на подругу.

– Не знаю, – пожала плечами Ирина. – Александр Федорович вовсе не мой идеал, но человек он немного странный, а я, сама знаешь, люблю необычных людей. То вроде тихий, робкий, застенчивый даже, а то вдруг – Наполеон!

– Ну, уж ты скажешь – Наполеон, – скептически заметила Леночка. – У него даже и треуголки-то нет. Вряд ли он придет. У него ж здоровье не в порядке, – сказала многозначительно, видно для того, чтобы удивить подругу своей осведомленностью. – Туберкулез в одной почке оказался, ему ее вырезали. Еще от операции не до конца оправился.

– Да знаю я про операцию, – сказала Ирина. – Потому и спрашиваю. Значит, говоришь, не будет его? – бросила вопросительный взгляд на подругу.

– Точно не будет, – ответила та.

– Жаль. Но я буду определенно. Очень праздника хочется.

* * *

Выйдя из госпиталя, Ирина сразу же приподняла воротник пальто, кутая шею от пронизывающего холодного ветра. Тяжелое, серое небо, будто облившись водой из Невы, грозило опрокинуться дождем. Улица была безлюдна, что казалось необычным даже в этот ранний час. Надрывный металлический скрежет колес и тревожные переливы звонка заставили остановиться, чтобы пропустить облепленный людьми трамвай, который вынырнул из-за угла и со стоном прогрохотал мимо, жалуясь на непосильную ношу и раскачиваясь из стороны в сторону, словно желая стряхнуть с подножек, уцепившихся друг за друга людей.

«Все держатся один за другого вовсе не из желания помочь ближнему, а от страха свалиться под колеса и превратиться в изрубленный кусок мяса», – подумала Ирина, провожая трамвай взглядом и, представив как это могло бы случиться, негромко произнесла:

– Как страшно...

– Страшно... – вдруг эхом отозвалось за спиной.

Она обернулась, наткнувшись на колючий, странно раздвоенный взгляд высокого небритого мужчины, с несоразмерно маленькой головой в надвинутой на глаза кепке, неожиданно оказавшегося в полушаге от нее.

– Что? О чем это вы? – растерянно переспросила она.

– О том же, о чем и ты, – сиплым голосом сказал незнакомец. – Мысли наши, вроде того... совпали, – ухмыльнулся он, обнажив мелкие прокуренные зубы. – Ты сказала, что страшно. И я думаю, что страшно, – ухмылка будто застыла на его лице.

– Вам? – Ирина окинула мужчину взглядом снизу вверх. – И отчего же вам страшно? – спросила с настороженной усмешкой.

– Да не-ет! Это вам должно быть страшно, – все еще продолжая ухмыляться, протянул косоглазый. – Вот я и подумал... этот трамвай, когда проехал, ты на него еще глядела, он ведь как наша Россия – перегружен.

– И что дальше? – недоуменно спросила Ирина и, пользуясь завязавшимся разговором, двинулась по направлению к дому.

Мужчина пошел рядом.

– А дальше... – попутчик задумался и потер ладонью шею. – Знаешь, что надобно, чтобы этот трамвай... ну... как бы, изменился?

– Думаю, следует перекрасить, – съехидничала Ирина. – Какой цвет предпочитаете?

– Не об том я тебе говорю, – косоглазый посмотрел с раздражением. – Что надобно сделать, ну, чтобы трамваю легче было ехать?

– И что же? – странный разговор можно было бы считать забавным, если бы не раздвоенный взгляд незнакомца.

– Я так думаю, – глаза мужчины сузились. – Надо уничтожить половину, а, черт его знает, может, и больше этих... сс-уук, присосавшихся, как пиявки, – сказал он злобно. – Сосут, сосут народную кровь, – почти прошипел он. – Думают, без них Россия – ну, никуда! – мужчина распалялся все сильнее. – Давить надобно. Дави-ить... Тогда и ехать легче... – он осклабился.

– Это, как я понимаю, вы про богатых? Женщин и детей тоже давить собираетесь? – не смогла не поинтересоваться Ирина.

– Не-ет! – примирительно протянул мужчина. – Бабы, они, известно, для радости мужиков созданы. Вот тебя ежели, к примеру, взять, – бросил вожделенный взгляд на Ирину. – Очень даже привлекаешь. Я потому за тобой и пошел.

Ирина, не желая продолжать разговор, свернула и направилась на противоположную сторону улицы.

– Куда же ты, дамочка! – мужчина двинулся следом.

Ирина ускорила шаг.

– Что, дамочка, не желаешь разговаривать? – задышал он в спину. – Брезгуешь?

Ирина приостановилась и огляделась. Как назло ни одного городского и ни одного извозчика.

– Оставьте меня. Я, знаете ли, не приучена беседовать на улице с незнакомыми людьми, – сказала она строго, крепче сжимая рукоятку зонтика.

– Чё за дела? – мужчина, вероятно, тоже заметил, что на улице, по-прежнему, никого нет, и развязно протянул руку. – Можно и познакомиться. Меня Степаном кличут.

Ирина демонстративно убрала руки за спину.

– Никак, дамочка, замараться боишься? – сказал незнакомец с раздражением, угрожающе надвигаясь.

Она, отступив на шаг, строго посмотрела на мужчину, и к удивлению снова не смогла поймать его взгляд, хотя теперь поняла почему – незнакомец был косоглазым.

– Замараться я не боюсь, – сказала она, старалась выглядеть спокойной. – Только надобно вам знать, что протягивать руку – привилегия женщин, – попыталась обойти косоглазого, но тот неожиданно расставил руки, преграждая ей путь.

– Да что вам, собственно, от меня нужно? – воскликнула Ирина.

– Будто сама не знаешь? – осклабился мужчина и попытался ее обхватить, но, услышав шум мотора подъезжающего автомобиля, воровато оглянулся и поспешно опустил руки.

Спасительный автомобиль выехал из переулка и... свернул в противоположную сторону.

Воспользовавшись замешательством косоглазого, Ирина сделала шаг в сторону, чтобы обойти его, но тот снова преградил дорогу.

«До дома уже рукой подать. Как же отвязаться от него? Хоть бы кто-нибудь навстречу...», – отчаянно подумала Ирина.

– Теперь мне все понятно, – решила продолжить разговор, чтобы выиграть время. – Однако вынуждена вас огорчить. Я, когда смотрела на трамвай, думала о другом, – сказав это, она обошла незнакомца и продолжила движение.

– О ком же это? – то ли не понял, то ли решил пошутить косоглазый.

– О другом, – решила не уточнять Ирина, сворачивая к парадному и останавливаясь у двери. – Вот я и пришла, – сказала, берясь за дверную ручку. – Спасибо, что проводили.

«Как он сказал, его зовут? Кажется, Степан».

– Прощайте, Степан, – сказала облегченно, чувствуя себя почти дома.

Косоглазый ничего не ответил, только молча смотрел исподлобья и часто дышал. В его взгляде было что-то от злобной собаки, оценивающей, можно ли укусить...

Ирина решительно открыла тяжелую дверь и вошла в парадную. Мужчина шагнул следом...

«Господи! Куда подевался привратник?» – едва успела подумать она, оказавшись прижатой к стене под лестничным пролетом.

Запах пота, похоти, слюнявый рот, прерывистое дыхание... Кричать и звать на помощь – безумно стыдно...

– Брезгуешь? Мною брезгуешь? Чего из себя корчишь-то? – насильник рванул полы ее пальто... потом ворот платья... пуговицы посыпались на мраморный пол... одна... другая... третья... – Думаешь, вы особенные? Кровь у вас другая? Щас-с, проверим, – шершавая рука царапнула тело. – Во-о, сиськи на месте. И здесь... Все одно. Что – барышня, что – кухарка...

С неимоверным усилием Ирина смогла, наконец, высвободить правую руку и, с силою, как учил Порфирий, ткнула мужчине пальцем в болевую точку на горле...

Косоглазый охнул, разжал руки и, хватая ртом воздух, осел на пол...

– Ну что? – она с яростью пнула его ногой в пах так, что косоглазый скрючился и застонал. – У твоих кухарок тоже такое тело?!! – выкрикнула с ненавистью удивившую ее саму фразу и снова пнула... Отошла на шаг, не спуская глаз с корчившегося от боли подонка, и присела на корточки, чтобы подобрать пуговицы. Подумала, что нельзя оставлять на полу подъезда перламутровые капли, пришитые еще маминой рукой. Поднялась на один лестничный пролет. Только теперь заметила, что оборванный ворот платья висит, обнажив часть груди, а на голубой ткани темнеют следы чужих рук. Запахнула пальто, поднялась на несколько ступенек второго пролета и посмотрела вниз. Косоглазый, наконец, перестав хрипеть и глотать ртом воздух, поднялся на четвереньки и теперь мутными глазами смотрел снизу вверх:

– Слышь... ты... барынька... – сквозь зубы процедил он. – Знаешь чего... Вправду-то... страшно мне... за тебя... Ведь до тела твоего... я доберусь... Обещаю... Жди... – он поднялся на ноги и, согнувшись, поковылял к выходу...

Ирина подошла к двери квартиры и ударила по ней кулаком... Еще... И еще... Услышала перезвон хрустальных подвесок на бронзовой люстре, дрогнувших от стука захлопнутой входной двери... Увидела растерянное лицо отца... Перепуганное – Василия... И собственное лицо в зеркальном овале – незнакомое и ожесточенное...

* * *

– Не пушу! Никуда более не пушу! – уж который раз повторял Сергей Ильич, бегая из угла в угол по спальне дочери, где та, закутавшись в одеяло, полулежала на кровати.

– Ну, *papa*, прошу тебя, успокойся, – снова и снова говорила Ирина, растроганная его волнением и долгожданной заботой. – Я сама виновата во всем произошедшем. Просто необдуманно повела себя с тем человеком.

– Ни-ку-да! Слышишь? Никуда больше! Никакого госпиталя! – все больше распалялся Сергей Ильич. – Я позвоню им, скажу, что ты... уезжаешь... за границу... в Африку... к черту на рога! – он приостановился и встревожено посмотрел на дочь, которая сильно изменилась за прошедшие сутки: лицо осунулось, под глазами легли темные полукружья.

«Может быть, все-таки стоило позвать врача? – подумал он. – Вдруг дочь ему не сказала всей правды? – снова тревожно защемило сердце.

– *Papa*... милый... знаешь... – Ирина взяла с прикроватного столика конфету и развернула хрустящую обертку. Конфеты давеча принесла Леночка и сказала с беззаботной грустью в голосе, что надобно их есть именно сейчас, в молодости, пока еще позволительно. А то в старости от них можно сильно располнеть и мужчины тогда перестанут обращать внимание.

Ирина наслаждением надкусила горьковатый шоколад.

– Знаешь, *papa*, я даже благодарна Богу, что так все произошло! – глянула она на отца с нежностью. – Может, если бы не этот случай, я и не узнала бы, что ты... – запнулась, подбирая слова, – что я... еще нужна тебе, *papa*, и... дорога!

– Христос с тобою, Ириночка! О чем ты говоришь? – глаза Сергея Ильича увлажнились, он опустился на край кровати, дочь нежно взяла его руку, потянула к себе и прижалась щекой к ладони.

– Холодная... Признак энергонедостаточности, между прочим, – сказала со знанием дела, вспомнив уроки Порфирия.

– Ну что ты, Ириночка, в квартире просто прохладно, вот и рука холодная.

– А раньше – всегда была теплая, даже горячая, независимо от погоды, – сказала она, вспомнив детство. – Пап, а ты нашего императора любишь? – вдруг спросила Ирина и испытующе глянула на отца.

– Ну и переходы у вас, Ирина Сергеевна! – изумленно воскликнул тот.

– А что? – невинным голосом воскликнула она. – Обычные переходы. Как у любой женщины.

При слове «женщина» Сергей Ильич снова напрягся и внимательно посмотрел на дочь, сясь понять, та просто так сказала, или...

– Что ты так смотришь на меня, папочка? Мне просто интересно. И вообще, – она села, привалившись к подушкам, – мы так редко разговариваем, – отодвинулась, давая отцу возможность поудобнее сесть на кровати. – Вот, скажи, мы, русские, что, все сумасшедшие? Скажи, это только русские день и ночь говорят, говорят и говорят о политике, ошибках правительства, интригах, заговорах, изменах, реформах? Это такая особенность России? Или так же у французов, немцев и других?

Сергей Ильич кашлянул.

– Это, деточка, не со страной связано, а с периодом истории. Коли живешь во времена перемен, о чем еще говорить, как не о переменах? В России нынче все изменений хотят. А как произойдут изменения – все и успокоится. До следующих перемен, – улыбнулся он. – Что ж до горячности русской, так это от вина! – он залиvisto рассмеялся. – Чем больше пьют, тем горячее споры. Помнишь, как в «Повести временных лет»?

Ирина покачала головой.

– «Руси есть веселье пити, не можем без этого быти», – напевно процитировал Сергей Ильич. – Кстати, – в его глазах мелькнули веселые огоньки, – знаешь ли ты, что по прошлогодним данным нашей официальной статистики, которая через год после закрытия винных лавок торжественно сообщила о практически полном прекращении потребления алкоголя населением, в Москве производство спиртосодержащей политуры возросло более чем в двадцать раз? Вот тебе наглядный результат борьбы с народным пьянством бюрократическими методами! – он снова рассмеялся.

– А народ-то хочет перемен? – вернулась Ирина к теме разговора.

– А что народ? – Сергей Ильич пожал плечами. – Народ, конечно, за спокойную сытую жизнь, правда, тоже с водочкой, душевными разговорами и непременно последующим мордобитием... для веселья и разнообразия. Но, главное, народ хочет, чтоб все по справедливости было.

– По справедливости, это как? – Ирина снова потянулась за конфетой. – Когда всем поровну как социалисты говорят?

– По справедливости как, спрашиваешь? – Сергей Ильич задумался. – По справедливости – это по правде. Отсюда и выражение народное «Бог не в силе, а в правде». Кстати, отсюда же зачастую и недовольство нашими судами проистекает. Потому что народ хочет, чтобы судили не по лукавому закону, а по правде и совести. Хотя, если вдуматься, – он потер лоб, – правда она ведь у каждого своя. Что поровну делить, что не поровну – все одно, недовольные будут. Да и равенство такое долго не простоит. Головы то у всех разные. Так то вот. А ты поспи, деточка, – он ласково погладил дочь по волосам. – Утро вечера, сама знаешь, мудренее.

Ирина повернулась на бок, натянула одеяло и подложила ладонь отца под щеку.

«Как все-таки хорошо жить, – блаженно думала она. – Как хорошо быть молодой. И вовсе не из-за этих конфет...»

* * *

«Это же надо – министр будущего правительства!» – мысленно повторил Сергей Ильич, выйдя на улицу из душного помещения, где только что Досточтимый Мастер Братства – князь Львов закончил секретное совещание. На совещании был утвержден тайный список министров правительства, которое будет сформировано сразу же после устранения царя. «Если понадобится – даже физического. Да, да, физического, именно так и сказал князь Львов». Сергей Ильич достал из кармана платок и промокнул лоб, покрытый испариной, но тут же поежился, хоть и был согласен с князем, что перемены нужны, причем самые решительные. К мысли о необходимости дворцового переворота подталкивали тяжелые потери и неудачи на фронте, несвойственное российскому самодержавию поведение императора и, конечно, влияние Распутина на царскую семью. Сергей Ильич помнил недавний разговор с морским министром адмиралом Григоровичем, который решил лично проверить слухи о проникновении германских шпионов в окружение царицы и в ответ на настойчивые запросы из Царского Села относительно точной даты проведения военно-морской операции передал ложную информацию об отплытии нескольких русских крейсеров. И что же? Точно в означенный день и час

там, где должны были появиться русские корабли, оказалась германская эскадра. Если вначале князь Львов предполагал убедить царя в необходимости сослать царицу в Ливадию, в Крым, а если откажется, принудить это сделать, то позже возникла идея регентства при малолетнем царевице Алексее брата царя – Великого князя Михаила Александровича. Сегодня же на совещании план созрел окончательно: Распутина убрать или убить, царицу заточить куда-нибудь подальше, царя заставить отречься, на престол посадить его брата и, конечно, поменять правительство.

Сергей Ильич надел шляпу, застегнул пальто и приосанился. Мысль о том, что он, наряду с другими масонами включен в состав будущего правительства, придавала ему не только ощущение причастности к большому делу, призванному изменить судьбу России, но и собственной нужности и значимости. «Да-да, князь Львов прав. Совершенно очевидно, что необходимо действовать, и действовать решительно!» – Сергей Ильич энергично замахал рукой, заведя выехавшего из-за угла извозчика. Уже устроившись в коляске, озабоченно подумал о дочери. Как быть? Если уже сейчас у него вовсе нет времени, то что же будет дальше, когда предстоит вершить поистине великие дела? Можно было бы отправить Ирину за границу, однако для этого необходима компаньонка, которой можно довериться и которая бы нравилась дочери, а такой нет. А еще этот разбойник... Где гарантии, что он не подкараулит Ириночку снова? И в городе с каждым днем становится беспокойнее. Народ озлоблен. Не хватает продовольствия. Цены по сравнению с прошлым годом подскочили в три раза. Надо заканчивать войну, но говорить вслух об этом нельзя – тут же объявят «пораженцем», а значит – изменником. Да еще священные обязательства братства... Смутное время... Хорошо, хоть с Трояновскими отношения сложились.

* * *

Ярко освещенный зал с колоннами в доме Трояновских на Невском проспекте был наполнен разнородной публикой, собранной в одном месте хозяйкой праздника Софи Трояновской по одной ей известным предпочтениям. Играла музыка, официанты разносили шампанское и легкие закуски на серебряных подносах, гости оживленно переговаривались и смеялись, будто бы и не было ужасной войны, а за стенами дома – тоскливой слякотной погоды и тревожного ожидания перемен, пропитавшего воздух северной столицы.

Ирина вошла в зал и огляделась. Леночки нигде не было. Отец тоже пока не появился. У колонны с удивлением заметила одинокую фигуру Керенского, по каким-то причинам не участвовавшего в разговорах о политике, которыми были заняты мужчины, собравшиеся в бильярдной комнате, откуда тянуло запахом сигарного дыма и отголосками последних новостей.

– Александр Федорович! Как я рада! Вот уж не чаяла вас сегодня здесь увидеть, – с радостной улыбкой подошла к Керенскому.

– Да я и сам, по правде сказать, не чаял здесь оказаться, – сказал он, целуя Ирине руку. – Все хорошеете, Ирина Сергеевна! – оглядел ее скромное темно-синее платье с белым кружевным воротником.

– Только ради того и хорошею, Александр Федорович, чтоб от вас комплимент услышать!

– Ой не лукавьте, Ирэн! – заулыбался Керенский. – Покажите мне того мужчину, который не почтет за счастье сказать вам что-нибудь приятное. Знаете ж сами, такую правду говорить легко, – подозвав официанта, взял с подноса два бокала шампанского и протянул один из них Ирине. – За вас, прелестница! – поднял бокал и отпил глоток. – Каждый умудренный опытом мужчина знает, – наклонился к ее уху, – красота истинная скрывается под скромными одеждами.

– Не понравилось мое платье? – она, пряча улыбку, наивно распахнула глаза.

– Правду хотите знать? – Керенский изобразил сомнения на лице.

– Конечно, правду, Александр Федорович! – воскликнула Ирина. – Сами же давеча ска-
зали, что правду говорить легко.

– Ну, что ж делать, – он изобразил сомнение и смущение на лице, – хоть и тяжело, но при-
дется соврать, – сделал паузу, глядя смеющимися глазами, – не понравилось совсем.

Они рассмеялись.

– А я вот, Александр Федорович, все думаю, – Ирина глянула серьезно, – может, то, что
происходит за окном и здесь, – обвела взглядом гостиную, – пир во время чумы? Помните?
«Нам не страшна могилы тьма...?»

Керенский нахмурился и покачал головой, а потом снова поднял руку с бокалом:

– Ваше здоровье, Ирина Сергеевна! – уклонился от разговора о политике. – Смотрю
на вас и жалею, что уж стар и сед. Будь я помоложе, украл бы вас, честное слово! Увез бы
на другой конец света. Право, говорю от чистого сердца! Кстати, – он посмотрел по сторонам, –
где-то... здесь... ах, вот... – махнул рукой стоящему неподалеку бледному русоволосому муж-
чине лет тридцати с аккуратной бородкой, взгляд которого Ирина уже несколько раз ловила
на себе. – Николай Сергеевич! Подойдите!

Мужчина, который будто ждал приглашения, чуть прихрамывая, приблизился к ним

– Хочу вас, Николай Сергеевич, представить самой очаровательной и тонкой, – Керен-
ский на секунду задумался, подбирая слова, – юной леди – дочери известного вам Сергея
Ильича Яковлева.

– Николай Ракелов, – по-военному четко и коротко представился мужчина.

– Хотя сразу дружески посоветую держать с ней ухо остро – не ровен час – на язычок
попадете, – продолжил Керенский.

– Ирина, – она протянула руку, к недовольству своему почувствовав, что краснеет.

– На самом деле, – Керенский повернулся к Ракелову, – скажу вам по секрету, домашнее
имя этой милой барышни – Ирэн. А вас, Николай Сергеевич, как дома обычно звали?

– Ники, – чуть смутившись, ответил Ракелов.

– Так вот, Ирэн, рекомендую вам Ники, моего помощника и доброго знакомого. В дет-
стве Николай Сергеевич, насколько мне известно, был отчаянный драчун и любитель полазить
по деревьям. В результате одного из неудачных приземлений он и приобрел прямо-таки бай-
роновскую походку.

– Александр Федорович, – смущенно протянул Ракелов, – право, будет вам из меня
романтического героя делать. К поэзии, несомненно, я неравнодушен, но сам стихов не пишу. –
Бог таланта не дал.

– Ну, насчет талантов вам грех на Бога обижаться, а барышням тонким, – Керенский
с хитринкой посмотрел на Ирину, – как известно, романтики нравятся. Так что, Ирина Серге-
евна, прошу Николая Сергеевича любить и жаловать.

– Любить не обещаю, а жаловать... – Ирина неожиданно для себя самой испытующе
посмотрела Ракелову прямо в глаза, – это зависит от самого Николая Сергеевича! – отвела
взгляд, сделав вид, что разглядывает игривые пузырьки в бокале с шампанским.

– Вот и хорошо! Вот и познакомились, – Керенский пробежал взглядом по залу. Видно,
хотел оставить их наедине. – Ирэн, вы ведь знакомы с господином Гучковым? – указал
на вошедшего в зал мужчину, которого сопровождал Петр Петрович Трояновский.

– С Александром Ивановичем мы однажды мельком в дверях виделись. Он к рара
в Москве заходил, а я в тот вечер по делам убегала.

– Не обессудьте. Я вас оставляю, – Керенский церемонно склонил голову. – Надо мне
с Александром Ивановичем переговорить, – двинулся навстречу Гучкову и Трояновскому.

«Неплохо было бы сейчас подойти к зеркалу, – вдруг подумала Ирина, провожая Керен-
ского взглядом и поправляя прядку над ухом. – Кажется, волосы немного растрепались».

– Незаурядный человек, умница! – прервав паузу, неожиданно громко заговорил Раkelов. Ирина взглянула вопросительно, потому что не поняла, о ком он.

– Да, да! – продолжил Раkelов с восхищением. – Подумайте только, Ирина Сергеевна! Получил строгое воспитание в старообрядческой семье и вдруг бросился воевать на стороне буров в англо-бурской войне, попал к англичанам в плен. Затем – участвовал в македонском восстании! Просто герой! А вернувшись в Россию...

– ...стал директором правления Московского Купеческого банка, – с улыбкой подхватила Ирина, поняв, что речь идет о Гучкове, – членом Государственной думы и прочее и прочее... Что это вы, Николай Сергеевич, никак надумали мне биографию Александра Ивановича рассказать? Неужто других тем не найдется, чтобы меня развлечь?

Раkelов глянул смущенно.

– А что же вы, Ирина Сергеевна, не пьете шампанского? – указал на ее бокал.

– Да как же можно его пить, Николай Сергеевич, когда все пузырьки уже полопались? С тоски от умных разговоров, – Ирина глянула озорно. – А без пузырьков шампанское уже не в радость! – вздохнула она.

– И то правда! – Раkelов улыбнулся. – Какая же радость от шампанского без пузырьков... – он сделал паузу, – и без умных разговоров.

Они рассмеялись и снова замолчали.

– А вот скажите, Николай Сергеевич, вы в этом году, например, были в Париже? – решила помочь ему Ирина. – И что нового в моде?

– В моде? – растерянно переспросил он. – Там сейчас не до моды. Война, – сказал он, но, заметив разочарование на лице Ирины, поспешно начал рассказывать о парижских дамах, которые, конечно же, не забывают о том, что жизнь продолжается и во время войны.

Возникшее оживление и суета у входа заставили ее отвлечься от разговора. В зал в окружении шумных кавалеров вплыла Софи Трояновская – рыжеволосая красавица в шикарном темно-зеленом бархатном платье. Приостановилась, окинув гостей скучающим взглядом. Музыка замолкла, словно кто-то, со стороны подал музыкантам знак. В свите Софи Ирина с удивлением заметила отца. Тот был необычайно весел. Вдруг зашел спереди и неожиданно опустился перед Софи на колено.

Ирина обмерла. Таким отца она никогда не видела. Сергей Ильич раскинул руки.

– Душа моя, Софи, я желаю подарить вам свою любовь! Примите же мой дар!

Ирина не поверила своим ушам.

– Ах, Сергей Ильич, опять вы за свое, – Софи снисходительно посмотрела на ухажера. – Оставьте с вашей любовью! – легонько ударила Сергея Ильича сложенным веером по плечу. – А, впрочем, нет, – она пленительно улыбнулась, – пожалуй, положите ее туда, – указала веером в противоположный конец зала. – В уголок. Будет время, я подумаю, что с ней делать! – царственным жестом протянула Сергею Ильичу руку для поцелуя, которую тот схватил и прижал к губам, потом решительно высвободила руку, обошла поклонника и сделала знак музыкантам, чтобы продолжали играть.

Лицо Ирины залилось краской.

«Как удачно, что Николай Сергеевич стоит к ним спиной и ничего не видит», – подумала она и, поспешно подхватив Раkelова под руку, отвела в сторону, за колонну, ближе к бильярдной, где по-прежнему кипели страсти и доносились обрывки фраз:

– Распутин! Распутин! Все эти рассказы про «тибетские настойки» – вздор! Государь околдован каким-то внутренним бессилием! Ах, если бы он рассердился! Государыня билась бы в истерике, но пусть! Хуже будет, если в истерике забьется Россия!

– Господи, что же это такое, Николай Сергеевич? – воскликнула Ирина. – Куда ни пойдешь, только и разговоров об этом Распутине. Будто уж и нет других тем. Не кажется ли вам, что все это – мыльный пузырь? Больше пустых слов, чем реальных к тому оснований?

Ракелов в задумчивости потер пальцами переносицу.

– Знаете, Ирина Сергеевна, мне однажды довелось видеть Распутина. Скажу честно, у него и впрямь есть сила. Этаким магнетизм и колдовское воздействие, устоять перед которыми обычному человеку невозможно.

Ирина глянула удивленно.

– Да и можно ли осуждать царицу, – продолжил Ракелов, – если Старец для нее – последняя надежда спасти престолонаследника? А ведь Александра Федоровна не только царица, но и мать, готовая на все ради спасения единственного сына. И как знать, что для нее важнее – жизнь царевича или судьба России.

– Вы хотите сказать, что у Распутина на самом деле есть некие способности? – недоверчиво спросила Ирина.

– Есть, – кивнул Ракелов, – определенно есть! Не желаете присесть? – указал на небольшой обитый темно-зеленой кожей диван у стены. – Князь Феликс Юсупов недавно в узком кругу рассказывал, – Ракелов понизил голос и заговорил таким тоном, чтобы стало ясно – он сам участник той беседы, – как Старец лечил его от телесного недуга.

Ирина села, машинально расправив складки платья.

«Зачем я сегодня в синем? – поймала себя на мысли. – Надобно было надеть голубое».

– И как же Распутин лечил Юсупова? Говорите же, Николай Сергеевич, раз начали! – потребовала она.

– Как лечил? – Ракелов сел вполоборота к ней. – По словам Юсупова, Старец велел ему лечь. Провел рукой по груди... шее... голове.

Ирина вдруг почувствовала взгляд Николая Сергеевича на своей груди... шее... голове, хотя вроде бы он глядел ей прямо в глаза.

– Затем, – продолжил Ракелов, – Старец опустил на колени. Прочитал молитву. Вновь поднялся и начал проделывать какие-то пассы. И все это, – Ракелов продолжал смотреть в глаза Ирине, – неотрывно глядя Юсупову в глаза... – он стал говорить совсем медленно, – вот так... неотрывно...

Ирина до боли сцепила пальцы рук.

– ...смотрел... и не отводил взгляда...

Голос Ракелова стал совсем тих и бархатен.

– Вот так смотрел и... не отводил? – проговорила Ирина, не узнав собственный голос и ощущая тепло и необычное томление, вдруг разлившиеся по телу. – А... Юсупов? Что чувствовал? – выдохнула она.

– Юсупов? – переспросил Ракелов недоуменно и, показалось, с трудом отвел взгляд. – Юсупов говорит, что гипнотическая сила Старца действительно безгранична. И тем страшна, – Ракелов подозвал официанта, взял с подноса бокалы с шампанским, передал один из них Ирине, из своего же сделал сразу несколько глотков и принялся молча крутить бокал в руке.

– Ну, говорите же, Николай Сергеевич! Это так интересно! Что потом? – нетерпеливо потребовала Ирина, отпила глоток шампанского и достала из сумочки веер. – Душно здесь, – принялась обмахиваться.

– Потом? – задумался он, будто вспоминая. – Наступило оцепенение. Юсупов словно впал в забытие. Пытался говорить – язык не повиновался, тело онемело. Только глаза Распутина сверкали над ним, как два фосфоресцирующих луча. Словом, бедный Феликс!

– Юсупов – не бедный, к тому же такой красавец! – Ирина попыталась вернуться к привычному тону разговора.

– Однако, увы, женат! – тень улыбки скользнула по лицу Ракелова.

– И впрямь – увы! – Ирина притворно вздохнула и, обмахиваясь веером, принялась оглядывать гостей.

– Ищите кого-то? – поинтересовался Ракелов.

– Ищу. Леночку Трояновскую. Беспокоюсь, знаете ли. Как бы не попала под чье-нибудь дурное влияние, – насмешливо посмотрела на собеседника, чувствуя, что постепенно приходит в себя.

– Ирина Сергеевна! – укоризненно и смущенно воскликнул он.

– Ирэн... – поправила она.

– Благодарю, – Раkelов осторожно прикоснулся к ее руке. – Так вот, милая Ирэн, как говорил один мой добрый знакомый, дурное влияние может оказать воздействие лишь на человека, в котором присутствуют соответствующие «элементы зла». Лица, обладающие твердым характером, чуждые эгоизму, совершенно недоступны таким попыткам.

– А разве не во всех людях присутствуют элементы зла? И разве не все мы состоим из черного и белого и всю свою жизнь являемся участниками борьбы между двумя враждебными началами внутри самих себя?

Раkelов глянул на нее с нескрываемым интересом, но ответить не успел, потому что рядом с ними, в сопровождении нескольких кавалеров, появилась Леночка Трояновская. Пышное розовое платье делало ее похожей на нежный цветок, вокруг которого вились, оттесняя друг друга, деловито жужжащие шмели-поклонники. Леночка с интересом посмотрела на Раkelова, потом на подругу.

– Мы вам не помешали? – понимающе улыбнулась она.

– Куда ты запропастилась? – Ирина в свою очередь придирчиво оглядела ее спутников. – Я весь вечер тебя высматриваю. Уж беспокоиться начала! Ты, часом, за это время еще никому не успела обещать свою руку?

– Нет, Ирэночка! К сожалению, – нарочито громко вздохнула Леночка, которой очень хотелось быть похожей на старшую сестру. – И знаешь почему? Просто не могу решить, которому из них! – со смехом указала она на поклонников. – Кстати, у меня новость! – присела рядом на диван на место, освобожденное Раkelовым. – Благодарю меня скорее! Я решила, хватит тебе затворницей сидеть, и уговорила Сергея Ильича разрешить тебя пожить у нас. Он на удивление легко согласился. У нас дом большой, гости почти каждый вечер, скучать не дадим. Кстати, – наклонилась к уху Ирины, – скажу по секрету: твой милый *papa*, – сказала она на французский манер с ударением на последнем слоге, – сдался Софи почти без боя! Вот так! А вы, Николай Сергеевич, – Леночка с лукавой улыбкой посмотрела на Раkelова, – знаете: отныне эта краса-девица в нашем тереме жить будет, под нашей опекой.

Грянула музыка. Вальс Штрауса закружился по залу.

– Все-все, я исчезаю! – Леночка поднялась. – Хочу танцевать! – подхватив под руки кавалеров, упорхнула за колонну.

– Ирэн, а вы любите вальс? – спросил Раkelов, уже протягивая руку.

– Люблю, Николай Сергеевич, – она взяла его за руку и поднялась.

– Тогда... разрешите вас пригласить, – запоздало сказал Раkelов.

– Так ведь пригласили уже, Николай Сергеевич, – рассмеялась Ирина, указывая взглядом на их соединившиеся ладони.

– Ники... – он повел ее в зал, где уже кружились пары, подхваченные волнами музыки. – Называйте меня Ники. Кажется, вы мысленно согласились с таким именем? – он внимательно посмотрел на Ирину, прикоснувшись к изгибу ее спины.

– А вы умеете читать мысли, – Ирина положила руку ему на плечо, – Ники? – произнесла, запоминая вкус имени.

– Иногда, – его глаза блестели восторженно.

«Он будет моим мужем», – с неожиданной ясностью поняла Ирина, счастливо закружившись в танце.

* * *

Распутин подошел к зеркалу.

Нечесаная борода. Пронзительные, колючие глаза. Зато – какова сила, струящаяся из них! Только сейчас, в свои пятьдесят, он в полной мере осознал вкус власти, приобретенной над людьми, власти, которая произросла из его собственной воли, помноженной на близость к семье самодержца.

«Никто не может выдержать мой взгляд», – подумал он самодовольно, приблизил лицо к зеркалу и... отшатнулся. Показалось, будто отражение вглядывается в него. А это никому не дозволено. Даже его собственному отражению.

Услышал осторожный стук в дверь. Одернул шелковую рубашку и повернулся. Слуга – рыжеволосый парень лет восемнадцати, внес корзину цветов, поставил на стол, глянул вопросительно, не будет ли каких приказаний, и молча исчез. Распутин развернул приколотую к букету записку.

«Вы – Бог! Вы привносите в души наши чувство покоя и уверенности. Молюсь за вас. Если вы исчезнете из нашей жизни – все будет потеряно. Берегите себя. А.»

Распутин усмехнулся, сложил записку и сунул в карман. Он и сам знает, что – Бог. И то, что все рухнет без него, тоже знает. Он так императрице вчера и сказал: «Если меня убьют, царевич умрет». А мама, видать, обеспокоилась. Полицейский пост у дома выставила.

Прошел в столовую. Самовар уже кипел. На столе под бронзовой люстрой были выставлены тарелки с бисквитами, пирожными, орехами и сладостями, в стеклянных вазочках лоснилось варенье.

Часы гулко пробили пять.

«Сейчас Феликс придет, – подумал он. – Красавчик. Безо всякой насмешки – и впрямь хорош. Глаз радует. Думает, что сильный, думает, не заметно, как противится влиянию. И чего противится? Противься, не противься, все будет, как мне, Старцу, надобно, – он усмехнулся. – Старец. В мои-то пятьдесят! Да черт с ними, пусть зовут, как хотят!»

Дребезжащий звонок телефона прервал мысли. Распутин поморщился и нехотя взял трубку.

– Ну, здравствуй... Ну, чай пьем... Ну, гости у меня... Ах, душка, время-то больно тесно. Ну, пожалуй, приезжай... Нет, без него. С ним мне неча говорить... Нет, ближе к одиннадцати нельзя. Адресок-то знаешь? Я таперича на Гороховой, шестьдесят четвертый дом. С Аглицкого проспекта съехал, а телефончик-то, вишь, прежний – шесть четыре шесть четыре шесть... Ну, прощай, пчелка моя.

– Одолели, – пробурчал он себе под нос. – Просют все, просют, – пробормотал недовольно...

«Пора бы уж Феликсу быть», – едва успел подумать он, как дверь открылась и в комнату вошел князь Юсупов – молодой мужчина с высоким лбом, спокойными глазами, красивыми, словно нарисованными губами.

«Аристократ», – Распутину захотелось сплюнуть.

– Феликс! – раскинув руки, он направился навстречу гостю. – Рад, рад! Садись. К столу садись, – пригласил нарочито радушно.

– Здравствуйте, Григорий Ефимович! – привычно прямо держа спину, Юсупов опустился на стул. – Я к вам на сеанс, как договаривались, – зачем-то пояснил он.

«Что-то напряжен больно гость-то сегодня. С чего бы это?» – Старец сел напротив и вперился в Юсупова изучающим взглядом.

– Слышь, Феликс, а может, к черту чай, а? – не дожидаясь ответа, Распутин обернулся к двери. – Эй! Прощка! Вина неси! И быстро!

Через минуту, словно вино было наготове, в комнату, неслышно ступая, вошел слуга и, поставив на стол два графина с вином, удалился.

Распутин склонился над столом, опершись подбородком на кулаки, поставленные один на другой, и принялся рассматривать гостя сквозь графин с красным вином.

– Феликс, а Феликс! Смотри-ка... ты и я. А между нами... – он выглянул из-за графина, – кувшин... с кровью, – сказал совсем тихо и снова спрятал лицо.

Юсупов слушал молча, только стал чуть бледнее обычного.

Распутин помолчал, а потом снова выглянул:

– Глянь, Феликс, ежели я смотрю сквозь него – тебя в крови вижу. А ежели ты поглядишь... – не закончил фразу и распрямился. – Налить тебе ентого вина?

Юсупов неопределенно качнул головой.

– Не хошь – как хошь, – Распутин отставил графин в сторону. – Тогда давай – мадеру! Она – ласковая! Потому люблю! – налил в бокалы вино янтарного цвета и залпом опустошил свой.

Юсупов же пить не стал, а, приподняв бокал, принялся рассматривать его на свет.

– Чевой-то не пьешь? Никак боишься чеве? – по лицу Распутина скользнула усмешка. – А ты – не бойсь. Со мной, Феличка, ничего не бойсь. Ни еды, ни вина. Вино – богом дано для усиления души, – налил себе еще и выпил, причмокнув от удовольствия. – Вино да травы... – откинулся на спинку стула, – они от природы. Через них черпаю ту силу безмерную, которой меня наградил... Бог, – сказав это, испытующе взглянул на гостя.

Юсупов пригубил вина.

– Мадера у вас, Григорий Ефимович, отменная. А... скажите, Государь и наследник эти ваши травы тоже принимают? – гость положил в рот кусочек шоколада.

«Не прост Феликс, – Распутин прищурился. – Хошь поиграть? Поиграть – это завсегда. Мы, чай, тоже не лыком шиты».

– Принимают. Пошто не принимать? – улыбнулся он простодушно. – Только я велю никому об том не сказывать. Всякий раз твержу: ежели кто из докторов, Боткин, к примеру, узнает об моих средствах – лечению конец, один вред больному будет. Потому они от разговоров берегутся. Оно и верно, – хитро взглянул на Юсупова.

«Ну... Пошто молчишь? Испужался? Спрашивай. Чую ж я, спросить хочешь, промежду прочим, каки таки средства потребляют папа с мамой? Осторожничаешь только. Вспугнуть меня боишься. А ты не бойсь, мил человек! Глянь, я пред тобой – яки агнец божий. Игра мне с тобой в интерес. Все остальные – игры отыгранные. Посему – скушные. Ну, не бойсь, красавчик, спрашивай».

– Какие же средства вы Григорий Ефимович, предписываете императору и цесаревичу? – Юсупов сделал глоток, поставил бокал и начал покручивать его пальцами.

«Молодец, красавец. Решился-таки. Только пошто это ты нынче такой беспокойный?» – Распутин почесал бороду.

– Каки средства, спрашиваешь? Разные. Смесь, которая милость Божию приносит и благодать. Ведь коли мир в сердце воцарится – все покажется добрым да веселым. Хотя, правду сказать, – Распутин снова поставил перед собой графин с красным вином и обхватил ладонями, – какой он царь? Он – дитя Божие. Не зря, скажу тебе, друг милый, царица – да знаешь небось, картинки рисует развеселые, насмешница этакая, – так вот не зря она Государя всяк раз дитем изображает на руках у матери.

Заметив напряженное ожидание в глазах гостя, лукаво улыбнулся:

– Да ты, милоч, не страдай. Все устроится. Увидишь.

Распутин едва заметно усмехнулся.

«Спроси давай меня, что устроится? Я объясню-вразумлю. А устроится все – точное дело. Как того заслуживаем, так и устроится».

– Что устроится? Как? – Юсупов, оглядев стол, отломил кусочек бисквита.

– Что устроится, спрашиваешь? – Распутин помолчал. – Хватит войны. Хватит. Что, немцы не братья нам? – Заметив удивление на лице Юсупова, пояснил:

– Еще Иисус учил: возлюби врага, как родного брата, – хитро посмотрев на гостя, зачерпнул ложкой варенье из вазочки. – Война скоро кончится, – съел варенье и, облизав ложку, бросил ее на стол. – Чё смотришь? Никак о придумке французской вспомнил, что вино надобно сыром закусывать? Не-ет, милоч. Коли сладенькое сладеньким закусишь – во рту горько станет. Не замечал? А ты, милоч, замечай. Все замечай. Польза будет. И с людьми так. Берегись сладеньких-то! Иначе ох как горько будет! – он обтер ладонью рот. – А про войну... Скоро покончим... Александру – царицей объявим... до совершеннолетия наследника. А Николашу – в Ливадию отправим. Дюже он устал. Пушай отдыхает. Фотографки делает. Любит он, понимаешь, это дело, – Распутин провел рукой по волосам. – Царица же – баба умная. За то ее народ и не любит, – он почесал бороду, с удовольствием наблюдая за выражением лица Юсупова.

«Чё смотришь? Не ведаешь, что ли, что у нас только дураков любят? Да убогих. Я поди ж тоже – не убогий да не дурак. Посему любви мне от вас ждать – не дожидаться. Интересно тебе, знает ли царица? А ты, голубочек, спроси. Я тебе отвечу».

– А царица знает, что делает? – неотрывно глядя на хозяина, тихо спросил Юсупов.

– Знает, – Распутин снова почесал бороду. – И что делать надобно – тоже знает. Думу обещалась разогнать. Болтунов этих... – внимательно посмотрел на напряженное лицо гостя.

«Хватит ему, пожалуй, на сегодня... игры. Пора в спальню – его, глупого, лечить. Не разум его неразумный, а тело его никудышное, с коим разум не в сильном ладу пребывает», – Распутин лениво потянулся.

– Да хватит, пожалуй, Феличка, о делах. Ты ж нездоров еще. Допивай вино и иди приляжь. Шас приду... лечить, – подлил себе еще вина. – Кажись, третий у нас етот, как ты говоришь, сиянс? Иди же. Будет тебе сиянс.

Юсупов послушно допил мадеру и прошел в спальню Распутина. Присел на узкую кровать в углу и с любопытством огляделся. В прежние посещения не до того было – Старец неотлучно находился рядом, да и все тогда было как в полусне. Небольшая, просто обставленная комната. Рядом с кроватью большой сундук, покрытый узорами. В противоположном углу – иконы, перед которыми горит лампадка. На стенах – несколько аляповатых лубочных картинок с библейскими сценами и портреты государя и императрицы. Услышав голоса и шаги в столовой, Юсупов прилег на кровать.

«Неужели то, что говорил сегодня Распутин – правда и Россию ждут новые потрясения?» – он прикрыл глаза, пытаясь осмыслить услышанное и чувствуя непреодолимое волнение оттого, что редкая удача... или неудача? выпала на его долю – прикоснуться к абсолютному злу, которое толкает страну к гибели и выведать его планы. Теперь уже ясно, чтобы спасти Россию, надо уничтожить это зло в его материальной форме. Сегодня отпали последние сомнения и он понял – другого не дано и что именно ему – человеку верующему и преданному императору и России, судьбой уготована участь и миссия вступить в борьбу с Распутиным – дьяволом во плоти, забыв об извечной заповеди «не убий». Совершить зло ради добра, а после... жить с этим грехом.

«Сейчас Распутин придет и снова будет делать пассы. И снова нужно будет собрать все силы, чтобы сознание не ушло. Старец действительно обладает властью, называя ее – Божией, но она – точно от дьявола», – и Юсупов перекрестился...

4

В фойе зала Армии и Флота на Литейном было полным-полно людей. В перерыве все оживленно переговаривались, обсуждая только что увиденный спектакль Всеволода Мейерхольда. Ирина, которая прохаживалась под руку с Раковым, вдруг приостановилась.

– Ники, смотрите же скорее! Вот же он, вот – Есенин! Это я о нем вам рассказывала! – указала взглядом на стоящего неподалеку невысокого молодого человека с русыми выющимися волосами, окруженного стайкой поклонниц.

– Ирэн, дорогая, – улыбнулся Раков, – я не успеваю за ходом ваших мыслей. Вы же только что с жаром ругали Мейерхольда.

– И вовсе я не ругала! Просто – не понимаю ничего в таком искусстве. Я, знаете ли, воспитывалась на репертуаре Александринки. Кстати, вы были на премьере «Романтиков»?

– Не пришлось, к сожалению.

– Жаль. Было просто изумительно! Вызывали автора уже после второго действия. Мережковский был такой счастливый. Между прочим, – щебетала она, – я тоже иногда пишу стихи. Кстати, говорят, весьма недурно.

– Почитаете, когда-нибудь? – просительно посмотрел на нее Раков.

– Когда-нибудь, – уклончиво ответила Ирина.

– Я просто уверен, Ирэн, что вы не недурно, а очень даже хорошо пишете! – убежденно воскликнул Раков. – Кстати, – он указал на темноволосого мужчину, беседующего у входа в зал с Мейерхольдом, – хотите, представлю вас Михаилу Кузмину?

– Вы знакомы с Михаилом Кузминым? – изумилась Ирина. – Быть не может! Я, знаете ли, его страстная поклонница! Очень часто в памяти всплывают какие-то его строки, и обязательно, как я в детстве говорила, «впопад». К примеру, помните его «Что случается, то свято»? Как же это верно! Именно так надобно принимать все, что преподносит нам жизнь. У него замечательный слог, и сам он такой чистый, как горный хрусталь. Ну, а вы, Ники, вам-то что нравится у Кузмина?

Раков замаялся и даже опустил глаза.

– Можете вспомнить хоть одну его строчку? Ну-ка, ну-ка? – она потеряла спутника за рукав. – Вот сейчас и проверим, какой вы на деле любитель поэзии.

Раков с полуулыбкой укоризненно покачал головой.

– Ирэн, похоже, вы испытание мне решили устроить. Ну что ж, извольте, – он, мгновенно посерьезнев, начал читать вполголоса:

В игольчатом сверканьи
Занеженных зеркал —
Нездешнее исканье
И демонский оскал...

– Это – мое самое любимое! – восторженно прервала его Ирина.

– Что ж, убедил я вас? – спросил Раков с довольной улыбкой.

– Убедили, Ники, – Ирина взглянула одобрительно. – Сдаюсь. Хотя, сказать по правде, в этих стихах мне пока не все понятно.

– Мне представляется, что смысл этих строк... – начал было пояснять он.

– Бог мой, Ники, не вздумаете ли вы мне объяснять?

Раков растерянно замолк.

– Стихи нельзя препарировать, как лягушку! – с жаром продолжила она. – Стихи надобно пробовать вовсе не на вкус, а на послевкусие. Коли оно есть – значит, хорошее произведение.

А смысл каждый понимает по-своему и... не понимает тоже по-своему. – Сказав это, Ирина замолчала, задумавшись, но потом, весело взглянув на спутника, продолжила. – А с Кузминым, если честно, познакомиться очень хочу! И потому – не стану!

Заметив немой вопрос в глазах Раkelова, пояснила:

– Да, да, не стану, потому что очень люблю его стихи и, потому, склонна идеализировать его самого, как, впрочем, и все поклонницы его таланта. – А вдруг, не дай бог, Кузмин окажется не таким, как я его себе нарисовала? Знаете, Ники, нам, женщинам, иногда достаточно какой-то мелочи – одного неловкого слова, снисходительного взгляда, банального прыща на носу или неприятного запаха, чеснока, например, чтобы разрушить чувство к кумиру, которое строилось годами и казалось незыблемым.

– «Не сотвори себе кумира», – улыбнулся Раkelов, – тогда не придется переживать разочарование. Впрочем, насколько я знаю, Кузмин чеснока не употребляет, – добавил он, – да и насчет...

– Ой, Ники, – Ирина услышала звонок и, желая прекратить неудобный для себя разговор, потянула за Раkelова за собой, – пойдете же скорее в зал, перерыв заканчивается, сейчас будет самое интересное.

Они прошли в зал и расположились на своих местах. Зрители постепенно рассаживались, тихо переговариваясь, и с интересом незаметно поглядывая друг на друга. Дам, как обычно, интересовали наряды и украшения. Мужчин – дамы. Наконец, под громкие аплодисменты на сцену вышел Сергей Есенин...

Поэты сменяли один другого. Ирина наслаждалась. Зал казался ей одним существом, внимающим звукам Поэзии, и она ощущала себя частью этого существа, распахнутого для восприятия прекрасного...

Вечер завершала похожая на Сивиллу черноволосая Анна Ахматова, одетая в белое платье со стюартовским воротником, с высокой прической и неизменной незавитой челкой:

...Мне никто сокровенней не был,
Так меня никто не томил,
Даже тот, кто на муку предал,
Даже тот, кто ласкал и забыл...

Ирина почувствовала, как Раkelов осторожно взял ее за руку, и краем глаза заметила, что он наблюдает не за сценой, а за ней, будто стараясь воспринять все происходящее через выражение ее лица и эмоции.

«Какой же Ники чудесный! И как прекрасна жизнь!» – радостно подумала она.

* * *

В оживленном потоке зрителей они вышли на улицу и, не спеша, пошли по Литейному. Смеркалось. Холодный воздух покалывал горло. Не хотелось говорить ни о чем, потому что в ушах еще звучала музыка стихов. Постепенно прохожих на зыбких сумеречных улицах становилось все меньше, да и те, что попадались навстречу – спешили домой, к теплу печей и каминов.

– Господи, как хорошо! – наконец, нарушила молчание Ирина. – Какое удивительное, редкое для нашего тревожного времени чувство спокойствия и душевного равновесия!

– Я... завтра уезжаю, – вдруг глухо произнес Раkelов.

– Как уезжаете? Зачем? – она остановилась в растерянности. – Надолго?

– Ирэн, – он взял ее за запястья, – иногда обстоятельства требуют моих отлучек. И с этим поделать ничего нельзя. У меня есть определенные обязанности и чувство долга.

– А как же... я? – ее голос дрогнул.

– Ирэн, дорогая, где бы я ни был, вы же знаете, что я... Я вернусь... и если вы скажете «да», тотчас же поеду к Сергею Ильичу просить вашей руки.

5

– Ирина Сергеевна, что-то вы бледненькая. Устали? – Иван Иванович – пожилой добродушный хирург опустился на табуретку у стены и вытянул за цепочку часы из кармана. – Ого! Уж половина восьмого. Три часа без малого оперировали.

Ирина кивнула. Хотя экстренная ночная операция длилась долго, раненого спасти не удалось. Молоденький солдат, совсем мальчик, еще вечером смотревший на нее измученными от боли глазами, сейчас лежал на каталке в коридоре возле операционной, накрытый с головой простыней, уже не ожидая ничего.

«Господи, сколько их еще будет? Скольких еще мальчиков проглотит война?» – тоскливо подумала она.

– Да вы не укоряйте себя, голубушка, – услышала голос Ивана Ивановича. – Мы всё сделали, что могли. А ранения в живот, сами знаете, какие.

– Тяжело, Иван Иванович, – Ирина начала раскладывать пакетики с порошками, сверяясь с листом назначений. – Боль кругом, кровь, смерть. Я, когда после дежурства подхожу к зеркалу, кажется, саму себя насквозь вижу: вот – кишки, вот – селезенка, вот – печень. И – кровь по венам. А они – будто вот-вот лопнут! – помотала головой, отгоняя неприятное видение.

– Ирочка, голубушка, вы о сердце забыли, – грустно усмехнулся Иван Иванович. – О сердце забывать нельзя. Что нам приказывает сердце, а?

– И что же? – Ирина, не поворачивая головы, отошла от подноса с лекарствами и поставила кипятиться лоток со шприцами.

– Я закурю, не возражаете? – не дожидаясь ответа, Иван Иванович достал папиросу и, затянувшись пару раз, продолжил:

– Так вот, голубушка, сердце нам велит жить. И – любить. Да-да, любить. Любить жизнь во всех ее проявлениях. Потому что жизнь у нас – одна. И другой – не будет, – он помолчал, попыхивая папиросой. – Главное, всегда помнить, что книгу собственной жизни мы пишем набело. Без черновиков. Находите радость даже в самые трудные минуты жизни. Когда же совсем нечему радоваться, просто подходите утром к окну и говорите: «Здравствуй, солнышко!» – Иван Иванович потушил папиросу. – Пойду я, голубушка, больных тяжелых погляжу, – он вышел из докторской.

Ирина подошла к серому бесснежному окну.

«Солнышко. Где ж его взять в этом сером городе? Совсем скоро новый год, а на душе так безрадостно. Раньше праздник врывается в город, принося с собой запах новогодних елок и веселье, искрящееся разноцветными гирляндами и улыбками. А девятьсот семнадцатый вползает в истощенную войной страну будто нехотя, мучаясь вопросом – „А стоит ли вообще приходить? Может, еще поживете в девятьсот шестнадцатом?“ Грустно. И от Ники нет вестей. Уже почти месяц прошел. После его отъезда, кажется, все вокруг окрасилось в черно-белые тона. Хотя, пожалуй, Иван Иванович прав. Надо научиться говорить солнышку „здравствуй“, даже если его не видно из-за туч. Главное, что оно есть. Зная это – легче жить», – решила она и отошла от окна. Вышла из докторской и прислушалась.

«Интересно, куда это Поликарповна запропастилась? Надо бы помыть пол и мусор вынести. Полный бак уже», – подумала Ирина и направилась туда, откуда слышался необычный для утренней госпитальной тишины раскатистый смех. Приоткрыла дверь палаты для выздоравливающих и заглянула внутрь.

Поликарповна, опершись на швабру, стояла в проходе между койками спиной к входу.

– ...так что милочки, вы говорите, а я вам объяснение скажу. И это – не смехотворство какое, а сурьезная ученость, – старушка сделала многозначительную паузу. – Исчѐ сызмальства мать мне мудреную книжку читала, а я смышленная была, все на ум запоминала, – она попра-

вила косынку. – Книга эта «Трепетник» называется. Так что, говорите скоренько, а я поясню, пока доктора не слышат. Где, говоришь, милоч, у тебя трепещет? – обратилась к рыжеволосому парню, забинтованной рукой утиравшему слезы, выступившие от смеха. – Ага. Вот тут. В руке, – понимающе кивнула старушка. – Это просто, это я тебе так скажу – «Аще в згибе левой руки потрепещет, кажет болезнь головы и студ всему телу, а после – пот», – глянула с торжеством. – Во: глядилося – пот у тебя, милоч, аж по всему телу. Я же говорю – не смехотворство это.

– Поликарповна! – Ирина услышала голос пожилого солдата, совсем недавно переведенного в эту палату. – А у меня вот тут, с утра трепещет, – тот приложил руку к груди. – Просто мочи терпеть нету, – пожаловался он, сделав серьезное лицо.

– Чаво смеяться? – возмутилась старушка, строго оглядев других больных, которые, приподнявшись на койках, а некоторые даже подойдя поближе, с трудом сдерживали смех, наблюдая за народной целительницей. – Это, милоч, – повернулась к солдату, – у кого грудные титьки трепещут, то будет во сне греза великая. Так что глазья свои прикрывай и жди грезу.

Хохот раненых раскатился по палате.

– А у меня...

– Нет, сперва мне скажи...

Поликарповна, краем глаза уже заметив стоявшую в дверях Ирину, засуетилась. – Нет, милочки. Последнему скажу – и пойду. Ну, вас к лешему. Греха с вами не оберешься. Где, говоришь, у тебя трепещет? – посмотрела на раненого с забинтованной ногой. – А, это так означает: «Колено левое потрепещет, – покосилась на Ирину, – кажет страх и переполох».

Ирина, пряча улыбку, вышла в коридор. Поликарповна, подхватив ведро и швабру, поспешила за ней.

– Поликарповна! – Ирина сделала строгое лицо. – Я же просила пол в докторской помыть. – Сколько ждать?

– Ох, бегу, эх, бегу, удержаться не могу! – позвякивая ведром, старушка с невинным видом засемила по коридору.

«Вот уж кто, наверное, не то что с солнышком – с каждой птичкой здоровается», – улыбнулась Ирина ей вслед.

– Что там? Опять Поликарповна чего учудила? – добродушно поинтересовался Иван Иванович, когда Ирина вернулась в докторскую.

– Учудила. Скоро вас, Иван Иванович, будет учить, как раненых выхаживать. Вот спросите ее, к примеру, можно ли ампутированный палец заново вырастить? Получите изумительный ответ, уж будьте уверены!

– Гм-м... – кашлянул доктор. – Поликарповна! – позвал в открытую дверь.

– Чаво-сь? – тут же заглянула в комнату бойкая старушка, будто ждала.

– Зайди, – приказал Иван Иванович.

– Чавой-то? – та зашла в комнату и остановилась посередине, поглядывая то на доктора, то на Ирину, которая отошла к раковине и, отвернув кран, принялась старательно мыть руки, наблюдая за происходящим через отражение в зеркале над раковиной.

– Гм-м, тут вот какое дело, Поликарповна, – Иван Иванович с озабоченным видом покручивал в руках папиросу. – Мы тут, видишь ли... так сказать... – начал было он, пытаясь сформулировать вопрос.

– Да не телись ты, милоч, чай, не девка я. Надо чего? – Поликарповна хитро взглянула, всем своим видом напоминая озорного подростка, который, войдя в класс, прикидывает – намазать ему клеем стул учителя прямо сейчас или чуть позже.

– Хотел у тебя, подруга, спросить... – задумчиво продолжил Иван Иванович.

Ирина плеснула холодной воды себе в лицо, завернула кран и уткнулась лицом в полотенце.

– Скажи-ка мне, Поликарповна, – Иван Иванович, наконец, справился с формулировкой вопроса, – есть ли в народе средство, подходящее, по твоему разумению, чтобы палец ампутированный, ну, то есть, отрезанный от руки мог заново вырасти. А? – посмотрел вопросительно.

– Чаво нет? – приободрилась старушка, всем видом выражая готовность помочь. – Есть. Это тебе для науки надобно? – понимающе поинтересовалась она.

Иван Иванович кивнул.

– Тады слушай. Значится так. Берешь голову лягушки... – Поликарповна недоверчиво взглянула на доктора, в уголках глаз которого затаилась улыбка. – Тебе ето для смехотворства аль для дела? – уточнила она еще раз на всякий случай. Для дела – так записывай.

Иван Иванович снова кивнул и, расположившись за столом, послушно взял лист бумаги и карандаш.

– У меня, сам поди знаешь, время мало, ище коридор домыть надобно, – важно пояснила Поликарповна. – Пишешь, штоль? – строго спросила она, наблюдая за рукой доктора. – Значится, так. Берешь голову лягушки... бычий глаз... – зыркнула в сторону Ирины, уж слишком старательно вытиравшей лицо полотенцем, – зерен белого мака, ладана, камфоры, высушиваешь, смешиваешь ето все с кровью гусенка... гу-у-сенка... – важно повторила она. – Успеваешь писать-то? – вытянув шею, заглянула под руку доктору. – Гусенка, значит. Ежели не найдешь гусенка – не плачь, можно горлицы. Затем скатываешь, милок, маленькие шарики...

Иван Иванович поднял глаза, в которых светился неподдельный интерес.

– ...и потом... все! – закончила пояснение старушка и с торжествующим видом оперлась на швабру.

– Чего – «все»? – пришла Ирина на помощь Ивану Ивановичу, который, зайдясь в приступе беззвучного смеха, опустил голову. – А дальше что? Это снадобье надобно пить? Жевать? Окуривать им помещение? Растворять в спирте?

Поликарповна смущенно замялась, уцепившись за ручку швабры.

– Запомятавала я чавой-то. Извиняйте. Чаво сказать не могу – того не могу.

Иван Иванович, справившись, наконец, со смехом, поднял голову и недоуменно посмотрел на старушку, которая стушеввалась и засуетилась, потихоньку отступая в сторону двери.

– Мы – люди простые, – бормотала она на ходу. – Наше дело маленькое. Сказал чего надо и – ушел быстренько. Пока не попало, – подхватила бак с мусором и уже в дверном проеме пропела, косясь на смеющегося Ивана Ивановича:

«А я молодая, а я озорная, мое сердце скок да скок, поцелуй меня разок! Э-ээх! – широко улыбнулась она беззубым ртом.

– Ступай, ступай, подруга! – с трудом проговорил ей вслед Иван Иванович, утирая слезы. – Я тебя в конце дежурства поцелую. А то боюсь, ежели прямо сейчас, то с собой не совладаю.

Поликарповна приостановилась.

– Гляди-кось! Не забудь, что обещался-то! А то знаю вас, мужиков! Вы только на обещания горазды! – гордо неся бак, она, наконец, вышла из комнаты.

Через мгновение из коридора донесся грохот. Встревоженная Ирина выскочила за дверь. Старушка проворно поднялась с пола и как ни в чем не бывало принялась запихивать в бак выпавшие бумажки.

– Не ушиблись, Поликарповна? – подбежала к ней Ирина.

– Не-е, милая, – улыбнулась та, потирая бок. – Склизко. Пол помыла... и – забыла! – симпровизировала она. – Так это ничаво! Вот, и с полом поздоровкалась!

Ирина, покачав головой, вернулась в докторскую.

– Ну и бабуля! Это ж надо такой жизнерадостной быть!

Иван Иванович задумчиво покрутил в руке папиросу.

– Да она не так уж и стара – ей ведь и пятидесяти нет, – он засунул папиросу в нагрудный карман халата, видно передумав курить. – А что ей остается делать? – глянул печально. – У нее полгода назад мужа на фронте убили. Затем вскоре – старшего сына. А месяц назад младший без вести пропал. Мальчик совсем... А у нас в России ведь как? От радости – плачут, от безысходности – смеются, – Иван Иванович направился к двери докторской, но у выхода приостановился. – Она потому каждый день новых раненых встречает. Надеется. Так-то вот, – он вышел из комнаты.

Через пару часов, приняв вместе с другими медсестрами несколько подвод с санитарного поезда и два автомобиля санитарной колонны Императорского Автомобильного Общества с ранеными, Ирина вышла из госпиталя и, махнув рукой так кстати проезжавшему мимо ворот госпиталя извозчику, села в пролетку.

– На Невский, к дому Трояновских, – приказала она и, откинувшись на спинку Сиденья, прикрыла глаза. «Господи, как же хочется спать», – подумала она.

* * *

...На ступенях госпитальной лестницы, у лап каменного льва, обхватив голову руками и раскачиваясь из стороны в сторону, сидела Поликарповна – одинокая седая старуха. Пятидесяти лет...

* * *

Ирина подошла к парадному дома Трояновских, испытывая только одно желание – поскорее лечь в кровать. Вечером, верно, опять будут гости и надо бы выспаться. Дверь ей после долгого ожидания открыл камердинер в камзоле, второпях застегнутом не на те пуговицы. Однако он так преданно таращил глаза, все еще остававшиеся во власти сна, что Ирина чуть не рассмеялась и простила его медлительность. Дом был наполнен той дремотной утренней тишиной, в которой любой, даже самый тихий звук, кажется, слышен в любом уголке. Она поднялась на второй этаж, прошла через столовую, увешанную полотнами русских живописцев, работы которых из чувства патриотизма регулярно закупал Петр Петрович Трояновский, затем через галерею с радостно-многоцветными витражными окнами – к «девичьим светелкам» – флигелю, пристроенному хозяином дома для подросших дочерей. Проходя мимо неплотно затворенной двери комнаты Софи, она услышала голоса: восторженно-звонкий – Леночки и чувственно-низкий – ее старшей сестры. Представить, что Софи поднялась в такую рань – было просто невозможно.

«Значит, еще не легла», – решила Ирина и тихонечко постучала. Дверь распахнула Леночка – раскрасневшаяся и перевозбужденная.

– Ирэночка, проходи же скорее! – Леночка нетерпеливо потянула подругу за руку. – Софи только что приехала и такое рассказывает! Такое! Только клянись хранить тайну. Слышишь? Клянись же! – потребовала она громким шепотом.

Ирина растерянно кивнула и вошла в комнату.

Софи, одетая в роскошное вечернее платье, с блаженным видом возлежала на огромном восточном диване, откинувшись на бархатные подушки.

– Прходи Ирэн. Вина хочешь? – Софи расслабленной рукой махнула в сторону столика, на котором стояли хрустальный графин и бокалы.

Ирина покачала головой и опустила в кресло возле столика, с любопытством поглядывая на Софи, источавшую столь волнующе-незнакомую чувственную негу, которая, казалось, переполняла пространство комнаты и была готова выплеснуться наружу, пленяя все живое на своем пути.

– Софочка, дорогая, ну же, дальше рассказывай! – нетерпеливо попросила Леночка, которая, поджав ноги, устроилась рядом с сестрой на диване. – Ирэн обещала, что тоже никому не скажет. Да, Ирэн? – повернулась она к подруге.

– Не скажу, раз нельзя, – подтвердила заинтригованная Ирина.

– Ах, дорогая, оставь эти условности, – наморщив носик, небрежно сказала сестре Софи. – Мне теперь, после того, что было, все равно! – она с блаженной улыбкой потянулась. – Ирэн, дорогая, коли сама не хочешь вина, тогда передай мне папироску из той коробочки, – указала на серебряную шкатулку на столике. – И аккуратнее, не урони. Это – особые папироски. Они дорогого стоят! – приняла папироску у Ирины и чиркнула спичкой, закуривая.

Едкий желтоватый дымок словно нехотя потянулся вверх.

– Скажи, Ирэн, у тебя уже были мужчины? – Софи посмотрела испытующе. – Ты имела связь с ними, я это имею в виду? – уточнила она, заметив легкую растерянность на лице Ирины. – Вот у Элен уже есть кавалер, так что она понимает, о чем я говорю. Я к тому, – она с удовольствием затаилась и красиво выпустила струйку дыма, – если нет, тебе слушать не надобно. Ничего не поймешь, – глянула снисходительно. – Это будет как разговор с иностранцем на неизвестном тебе языке. О чем он говорит, можно только догадываться по интонации, жестам и мимическим движениям лица... ежели таковые вообще имеются, – она вдруг рассмеялась, но также неожиданно замолкла и, приподняв голову, строго спросила:

– Так как? Были?

Ирина неуверенно кивнула. Софи, иронически улыбаясь, недоверчиво оглядела ее. Ирина кивнула еще раз, потому что просто не могла не кивнуть.

– Отлично! – Софи откинулась на подушки. – Тогда продолжу. На чем я остановилась? Ах да. Не могу сказать, что я развратна до мозга костей, но порок, естественно, живет в моем теле, – сказав это, она улыбнулась блаженно и таинственно. – В общем, кое-что в жизни я испытала, поэтому знаю, о чем говорю. Так вот, – она стряхнула пепел с папироски в предусмотрительно подставленную сестрой пепельницу, – с ним невозможно сравнить ни одного мужчину. Ни одного! Поверьте! Он – нечто особое. Я уж не говорю о том, что он так властен, – снова затаилась папироской и, словно нарочно выдохнула в лицо Ирине, – что ему просто хочется отдаваться, – улыбка снова скользнула по ее лицу.

Ирина почувствовала, что в горле запершило, и едва удержалась от кашля.

– Он о-очень силен, – продолжила Софи, – очень, – ее дыхание вдруг участилось, а глаза стали темнеть. – Когда он... входил в меня... тело его напрягалось все – от головы до пальцев ног, – язык у Софи начал слегка заплетаться. – Он весь, понимаете, весь был... как один огромный... – поискала в воздухе пальцами подходящее слово и, не найдя, просто махнула рукой.

Ирина краем глаза заметила, что Леночка слушает, затаив дыхание и даже слегка приоткрыв рот.

– И все это – на ковре, – выдохнула Софи, – у зеркала огромного, в самый пол. Мне даже казалось, что зеркало тоже участвовало в действе, посылая двойников, неумоимо повторявших наши движения и тем самым удваивавших нашу страсть...

Ирина заметила, что глаза Софи совсем потемнели, превратившись в два омута, страшных и притягательных своей бездонностью. Внезапно ощутила легкую дурноту: защипало глаза, а мысли стали непривычно уплывать. Расстегнула верхнюю пуговицу платья.

Софи, снисходительно глянув на Ирину, затушила папиросу.

– Он словно накачивал меня своею силой, своими необычайными способностями, всем своим могуществом. И вот так, – она медленно провела пальцами по шее, щеке, волосам и сладострастно улыбнулась, – более двух часов. Глаза прикроет, подышит – и снова за дело, со всей страстью. Он, девочки, – совершенно особенный! Кабы вы знали, какие ощущения он дает...

Ирина почувствовала головокружение. Не хватало воздуха. Пробормотав извинения, выскочила из комнаты и, подбежав к окну в галерее, рванула на себя раму. Холодный воздух освежил лицо и прояснил голову.

«Определенно в папиросках что-то не то. Не иначе, травка какая примешана», – подумала она, но, отдышавшись, все-таки вернулась в комнату.

Софи уже стояла перед сестрой с бокалом в руке. Леночка смотрела на нее с обожанием.

– А, это ты... Входи же, – Ирине показалось, что в глазах Софи промелькнула насмешка.

– Ирэн, ну где же ты была? Пропустила самое интересное! Тут Софи еще такое рассказала... Не поверишь! Софи, повтори, пожалуйста! Ну, хоть в двух словах! – Леночка умоляюще взглянула на сестру.

– Ах, оставь, Элен, – Софи скорчила гримасу. – Не могу же я все по два раза рассказывать. Пойду ванну приму, – она, выгнув спину, с наслаждением потянулась и направилась в сторону двери. У выхода приостановилась. – Проветри, не забудь. А то отец опять меня воспитывать придется.

Леночка послушно распахнула окно, а потом, усадив Ирину на диван, устроилась рядом.

– Ты не представляешь! – громким шепотом проговорила она, наклонясь к самому уху. – Знаешь, что у Софи теперь там... – опустила глаза, указывая взглядом на живот, – там... внутри?

– Ре-ребенок? – с сомнением в голосе спросила Ирина, мысленно прикидывая, может ли такое случиться так быстро.

– Какой еще ребенок, о чем ты?! У нее... там... шарик.

– Какой еще шарик? – настала очередь удивиться Ирине.

– Господи, какой, какой, обычный! То есть не обычный, конечно. Из камня. Кажется, обсидан называется. Теперь шарик все время у нее там внутри будет. Ну, не все время, конечно, его и вынуть можно, но он сказал, что надобно для тренировки женских мышц его удерживать там подольше. Потом такие ощущения получаются! – восторженно сказала Леночка и даже закатила глаза.

– Глупость какая! – смутилась Ирина. – Ты-то откуда знаешь?

– И ничего не глупость! – обиженно воскликнула Леночка. – Он так сказал.

– Да кто он-то?

– Как?! Ты что ж не поняла? Распутин! Софи имела сношение с самим Распутиным! Представляешь? Она у нас теперь как царица.

– Почему как царица? – нахмурилась Ирина.

– А ты будто не знаешь? – хмыкнула Леночка, недоуменно глядя на наивную подругу.

– Вранье все это! – строго сказала Ирина.

– И почему же вранье? Все об этом знают! Даже наши раненные из госпиталя говорят, что на фронте и то про это слышали! А в синематографе запретили давать фильму, где Государь возлагает на себя Георгиевский крест, знаешь, почему? Всякий раз, как это показывают, кто-то в зале непременно да и скажет из темноты: «Царь-батюшка с Егорием, а царица-матушка с Григорием», – Леночка хихикнула.

– Лена! – Ирина поднялась с дивана. – Как ты можешь? Как вы все можете пересказывать эти низкие сплетни и втапывать в грязь самое святое? Я не могу, понимаешь, не могу слышать, когда унижают нашего Государя и Государыню. И как можно делать это сейчас, именно сейчас, перед врагами внешними, внутренними, во время самой грозной войны, которую когда-либо вела Россия? Стыдно, право! Неужели ты не понимаешь, как это стыдно и недостойно?!

Леночка вспыхнула и подскочила с дивана.

– Зря ты сердишься, Ирэн, – обиженным тоном сказала она. – Вот ты не веришь, а весь Петроград – верит! Да из-за твоего любимого Государя рушится все, на чем держалась Россия!

Неужели ты не видишь и не понимаешь? Россия гибнет из-за слабости одного мужа к одной жене! И это ужасно! И я презираю его за это! Слышишь? Презираю! – почти прокричала она.

«Да, у Государя, конечно же, есть слабость в характере, – растерянно подумала Ирина. – Но эта слабость от любви к государыне, от тревоги за цесаревича, это жертвенная слабость отца и мужа и потому – простительна и даже трогательна. Как все они этого не понимают?»

– Знаешь, Ленусь, – взглянула на подругу почти неприязненно, – в нашем споре победителей все равно не будет, а тебя я потерять не хочу, потому, прощаю твою горячность и, пожалуйста, поеду домой...

Леночка ничего не ответила, только смотрела обиженно...

...Через полчаса пролетка дернулась с места, отбросив Ирину на жесткую спинку сиденья.

* * *

«Как хорошо, что дома никого нет, – думала Ирина, выкладывая вещи из саквояжа. – Отец в Москве по делам. Менее всего сейчас хотелось бы отвечать на его вопросы. Как жаль, что Ники в отъезде, – открыла подаренный Ракеловым флакончик духов „Флер д, оранж“, смочила пальцы и провела за ухом. По комнате распространился нежный весенний запах. – Господи, как же мне его не хватает!».

Она переоделась, присела к туалетному столику и принялась расчесывать волосы. Отражение в зеркале задумчиво поглядывало на нее. Ирина отложила гребень и приблизила лицо к зеркалу. Ей всегда казалось, что в ней живут два существа – одно действует, а другое наблюдает, только для того, чтобы по вечерам терзать вопросами, на которые порой невозможно найти ответ.

«К счастью, сейчас не вечер», – решила обнадежить себя она, но отражение глянуло так осуждающе, что вопрос прозвучал вполне ожидаемо:

«Если для тебя все услышанное – грязь, зачем ты слушала Софи?»

«Почему ты спрашиваешь? Ведь вечер еще не наступил», – почти взмолилась Ирина.

«Какая разница? Все равно в доме никого нет. Зачем откладывать?»

«Ну, да, ты ведь все равно не отвяжешься».

«Не отвяжусь, поэтому отвечай».

«Признаюсь, мне было любопытно», – смутилась Ирина.

«Но если ты слушала, даже из любопытства, чем ты лучше Елены или Софи? Значит, тебя тоже манит порок? И тебе интересно подсматривать в замочную скважину?»

«Нет! Как ты можешь такое говорить? Я еще даже не знаю, что такое порок».

«Но очень хочешь узнать, так?» – съязвило отражение.

«Нет! Я хочу знать, что такое любовь!»

«Любовь и порок идут рука об руку».

«Значит, любовь греховна?»

«Вся жизнь греховна... Если ее таковой считать...» – вспомнила Ирина слова Порфирия.

* * *

Сон все не приходил. Рой беспорядочных мыслей жалил перевозбужденный мозг. О прошедшем дне не хотелось думать. Казалось, сегодня ее окунули в грязь. С головы до пят.

«Но разве Леночка виновата? – думала Ирина. – Грязь сейчас повсюду. И скоро все просто захлебнутся ею. Забыли о чести, порядочности, совести и сладострастно лапают и поносят бывших кумиров, которым самозабвенно поклонялись, в сторону которых и посмотреть-то не могли, настолько низкогнули спины. Похоже, наступает *Cercle vicieux!** – время вседозво-

ленности, разврата, пошлости и лжи, подобное гигантскому водовороту, который крутится все стремительнее, увлекая и засасывая все чистое, светлое и святое. Дьявольское наваждение! Может, это и есть конец света, который начался в России? И тогда понятно, почему Распутин появился именно здесь. Он просто не мог не появиться. И стоит ли удивляться, что он притягивает к себе родственные души? Подобное всегда притягивается подобным».

Перевернулась на другой бок и натянула одеяло на голову.

Телефонный звонок, разорвавший ночную тишину, был некстати. Ирина приоткрыла глаза. «Наверное, Леночка. Видно, тоже переживает, – подумала она. – Не подойду. Хочу спать. Я хочу спать», – накрыла голову подушкой...

...Звонок в дверь заставил ее поднять голову.

«Господи, который сейчас час? – Ирина села на постели. – Может, отец вернулся из Москвы? Вот было бы чудесно», – накинув одеяло поверх сорочки, она босиком подошла к двери.

– *Рара*, это ты?

– Ирэн, милая, ну, слава богу! – услышала голос Ракелова и обмерла, а потом торопливо и неловко, придерживая одной рукой края норовившего сползти одеяла, начала открывать замки.

– Ники! – все еще не веря, распахнула дверь, забыв, что не одета и не причесана.

– Ирэн, ради бога, простите! – Ракелов, сняв шапку, стоял на пороге. На его лице, бороде, ресницах, меховом воротнике и плечах расстегнутого пальто поблескивали капельки воды и уже начавшие подтаивать снежинки, и оттого он казался еще более растерянным и милым. – Я, Ирина Сергеевна, прямо с поезда. Позвонил Трояновским, Леночка мне сообщила о вашем отъезде, вам позвонил, никто не брал трубку и я решил отбросить все приличия и... вот я здесь...

Ирина молча сделала шаг назад, пропуская Ракелова внутрь квартиры, и он, продолжая извиняться и говорить про метель на улице, про то, что беспокоился, потому что Сергей Ильич в отъезде и про то, что скучал, наконец, переступил порог. Она слышала его взволнованные, сбивчивые слова, но их смысл не имел значения, потому что Ирина просто слушала его голос и, обхватив себя за плечи, вглядывалась в его растерянное и такое любимое лицо.

– Холодно... – наконец, едва слышно сказала она.

– А я прямо с поезда... к вам... Я очень... волновался... Время такое... – Ракелов вдруг оборвал себя на полуслове.

– Холодно... – повторила она громче.

Ракелов, наконец, услышал и, скинув пальто на пол, прижал Ирину к себе, поцеловал, потом отстранился, глядя счастливыми глазами.

– Какие губы у вас...

– Какие? – она улыбнулась.

– Нежные, – выдохнул он. – А воздух... Вы чувствуете, какой сегодня воздух? Воздух сегодня густой, – сказал Ракелов, поглаживая ее по волосам. – Не то что движениям – мыслям сквозь него пробраться мудрено. Для всего усилия нужны, – его голос подрагивал. – А усилия происходят от неуверенности в необходимости замысленного. Ежели делаешь что, ощущая сопротивление, значит, Бог тебе делать это не велит, дьявол сделать торопит, а душа предостерегает.

– Так что же, душа вас разве предостерегает? – прошептала Ирина, испытующе глядя ему в глаза.

– Может, и предостерегает. Только я последнее время что-то слеп стал да глух.

Приподнявшись на цыпочки, она поцеловала его, прошептав:

– Ники, милый, давай поделим эти ночь пополам – ты бери свет, а я возьму тьму...

* * *

Звезды, подвешенные за окном на тоненьких небесных нитях, подрагивая от любопытства, пытались заглянуть в спальню. Круглая сонная луна снисходительно улыбалась перламутровым ликом. Она тоже иногда позволяла себе заглядывать в окна, но только туда, где ее ждали, туда, где слова любви и признаний сливались в единый поток страсти, поднимающийся с грешной земли к небесам с мольбой о прощении. За безумную страсть и за то, что она делает с людьми...

6

Автомобиль подъехал к дому на Мойке. Распутин вслед за Юсуповым вошел в дом с заднего крыльца.

– У тебя, Феличка, никак гости? – нахмурился Распутин, услышав доносившиеся сверху веселые голоса и смех.

– Григорий Ефимович, не обессудьте, это у жены, друзья собрались. Скоро уйдут. Пожалуйста пока в столовую, – Юсупов указал на лестницу, ведущую вниз.

Распутин снял шубу, расправил расшитую васильками шелковую рубашку, подвязанную толстым малиновым шнуром, и, показавшись, нехотя, начал спускаться. Когда вошел – приостановился у двери и оглядел комнату, разделенную аркой на две части. Скользя взглядом по коврам, красным вазам китайского фарфора, массивной дубовой мебели, подошел к инкрустированному секретеру с множеством крохотных бронзовых колонн и ящичков, и принялся открывать и закрывать их, с детским любопытством заглядывая в каждый.

– Затеяливый шкафчик! – пробормотал он, чуть оживившись, когда наигрался вдоволь. Заметил стоящее сверху распятие из горного хрусталя и гравированного серебра и прикоснулся к нему осторожно, будто боясь повредить хрупкую вещь.

– Итальянская работа, – незамедлительно пояснил из-за спины Юсупов, который хотя и старался выглядеть спокойным, все же был чуть более суетлив, чем обычно, словно торопился закончить решенное дело. Два часа перед встречей он провел в молитве в Казанском соборе, потому, казалось ему, не испытывал никаких душевных мук, ощущая себя лишь исполнителем возложенной на него свыше миссии.

– Красиво, – Распутин оглядел распятие, но прежде чем отойти от секретера, снова открыл и закрыл пару ящичков. Подошел к накрытому столу, на котором дымился самовар, и было выставлено блюдо с бисквитами и иными сладостями.

– Никак, чайком потчевать будешь? – глянул на хозяина дома вопросительно.

– Пожалуйста к столу, Григорий Ефимович, – радушно пригласил гостя Юсупов, указав рукой на стул – такой же старинный и заслуженный, как и все предметы вокруг – роскошные, но разнородные, будто собранные вместе немного поспешно.

– Что ж, сяду... коли просишь. Не обижу, – Распутин уселся у стола и уперся взглядом в хозяина.

Юсупов выдержал и не отвел глаза.

«Ишь, глазенки-то как блещут, – подумал Распутин и даже развеселился. – Гляжу, не наигрался еще в игры свои. А коли так, надобно тебя, милоч, чуток поужать».

– Промежду прочим, Протопопов сегодня ко мне приходил, – небрежно сообщил он. – Просил из дому не выходить в эти дни. А знаешь, мил-друг, почему? – протянул руку к тарелке с пирожными.

– И почему же? – Юсупов опустил на стул напротив.

«Ох, Феликс-Феликс, – подумал Распутин, пряча усмешку. – Будто не знаешь, ёрник этакий», – чуть наклонился вперед, выбирая, которое пирожное взять.

– Тебя убьют, говорит.

– А вы что же ответили? – Юсупов пододвинул тарелку. – Угощайтесь, Григорий Ефимович.

– Да вот, вишь, – Распутин, наконец, выбрал пирожное и поднес ко рту, – тайком от соглядатаев к тебе пришел. Не боюсь я, – он насмешливо посмотрел на князя и отправил пирожное в рот. Заметил, что Юсупов напрягся, и во взгляде его появилось ожидание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.